



Пролетарии всех
стран, соединяйтесь!

Вся власть Советам!

Бюллетень
Четвертого
Интернационала

Опубликован Интернациональным Комитетом
Четвертого Интернационала

#1, январь 1990

Цена \$5.00

Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала с гордостью объявляет о публикации первого номера своего поквартального журнала на русском языке, *Бюллетень Четвертого Интернационала*. Публикация Бюллетеня как теоретического органа настоящего троцкизма представляет собой историческую веху в развитии советского и интернационального рабочего класса.

Этот журнал поставит программу политической революции, которую развил и за которую боролся Лев Давидович Троцкий, в полный вид перед рабочим классом СССР и всей Восточной Европы.

Прошло более 60 лет с тех пор, когда победившая термидорианская бюрократия навсегда выслава Льва Троцкого из СССР, таким путем пытаясь заглушить революционного трибуна Красного Октября. Троцкий вел героическую борьбу против сталинистской бюрократии в условиях тяжелых поражений международного рабочего класса: Италия с приходом Муссолини, Польша с победой Пилсудского, шанхайский погром в Китае в 1926 году и наконец триумф гитлеровского фашизма в Германии в 1933.

В условиях политической изоляции навязанной сталинистами и империалистическими «демократами», несмотря на контр-революционный террор Московских Процессов, Троцкий сумел объединить ядро революционных интернационалистов вокруг программы мировой социалистической революции.

Бюллетень Четвертого Интернационала является политическим и программным преемником *Бюллетеняевой Оппозиции*, начатого Троцким в 1929 году для политического объединения большевиков-ленинцев во всем мире.

Новый *Бюллетень* появляется одновременно с громаднейшей радикализацией советского рабочего класса со времени Октября. Кризис сталинизма в СССР и катастрофическое сокрушение обанкротившейся политики социализма в одной стране, ведут рабочий класс СССР в открытую борьбу против бюрократии под руководством Горбачева. Подобный процесс развивается и в остальных сталинистских искаженных рабочих государствах Восточной Европы, в Китае, Вьетнаме, и т. д.

Самостоятельная борьба рабочего класса свела на нет попытки Горбачева замаскироваться в роли анти-сталинистского реформиста. От демократического камуфляжа его программы капиталистической реставрации остались одни лохмотья. Поворот бюрократии от политики «социализма в одной стране» к программе капиталистической реставрации полностью подтверждает прогноз Л. Д. Троцкого. Он предупреждал, что или рабочий класс свергнет бюрократию в ходе политической революции, или бюрократия свергнет все завоевания Октября в ходе капиталистической контр-революции.

В борьбе построить революционную партию Ленин боролся против ревизионистских врагов марксизма и приспособленцев к капитализму. Подобная борьба идет и в Четвертом Интернационале. Так же, как большевистская партия вышла из раскола в рядах социал-демократии, так и Интернациональный Комитет был сформирован в 1953 году в борьбе против ревизионистской атаки на программу Четвертого Интернационала.

тенденций внутри Четвертого Интернационала, которые пытались подменить троцкистскую программу свержения сталинистской бюрократии самостоятельными действиями рабочего класса, перспективой само-реформ этой паразитической касты.

Этот ревизионистский уклон под руководством Мишеля Пабло и Эрнеста Мандела отвергал троцкистскую программу политической революции, то есть, свержение бюрократии независимой революционной борьбой советского рабочего класса. Вместо нее они доказывали, что бюрократия способна провести анти-сталинистские само-реформы. На этой основе они снова и снова пытались подчинить рабочий класс бюрократии, размножая иллюзии в то или другое якобы реформистское крыло.

Логичные последствия этой линии стали особенно ясны с приходом Горбачева к власти в 1985 году. Все ревизионистские, так называемые троцкистские тенденции приветствуют или маскируют горбачевскую программу капиталистической реставрации. Лишь Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала призывает советский рабочий класс встать на путь политической революции и таким путем защитить и расширить завоевания Октября, как составной части мировой социалистической революции.

В этом начальном номере *Бюллетеня Четвертого Интернационала*, Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала печатает документ, срывающий маску с программы *перестройки и гласности* и обнажающий перед рабочим классом сущность и последствия этой реакционной программы.

Редколлегия *Бюллетеня Четвертого Интернационала*.
Декабрь 1989 г.

Перестройка против социализма Сталинизм и реставрация капитализма в СССР

Давид Норт

Предисловие

Эта книга состоит из серии статей, которые были впервые опубликованы в *Bulletin*, еженедельной газете Рабочей Лиги (США), между мартом и маем этого года под названием "Что стоит за выборами в СССР." Цель этих статей - раскрыть значение *перестройки* и *гласности* с точки зрения коренного конфликта между сталинистской бюрократией и советским рабочим классом.

В отличие от преобладающей массы литературы о ситуации в СССР, которая публикуется в настоящее время, эта книга настаивает, что политика Горбачева не знаменует, ни отвержение от сталинизма, ни новый расцвет советской демократии. Наоборот, она утверждает, что нынешний режим представляет, в самом коренном смысле, кульминацию

сталинистской реакции против революционного наследия Октября 1917 года.

Лев Троцкий, на произведениях которого основывается эта книга, объяснил, более пол-века назад, что уничтожение партии большевиков сталинистской бюрократией и ее узурпация политической власти, представляли первую фазу буржуазной контрреволюции в СССР. Но в той степени, что национализированные имущественные отношения основанные после Октябрьской Революции, оставались нетронутыми, и привилегированная бюрократическая каста на могла обеспечить свое право на владение имуществом, - т. е. превратить себя в новую "советскую" буржуазию, - эта контрреволюция оставалась незавершенной. СССР оставалась развращенным рабочим государством, конечная участь которого, - трансформация в социалистическое общество, или регрессия обратно к капитализму, - зависела от результата борьбы советского рабочего класса против бюрократии и исхода классовой борьбы на международной арене.

Если, как надеялся Троцкий, советские рабочие сумеют свергнуть бюрократов в политической революции, и интернациональная позиция рабочего государства качественно улучшится из-за победы революционной борьбы пролетариата в центрах империализма, тогда СССР быстро ликвидирует сталинистские искажения и разовьется как социалистическое общество.

С другой стороны, Троцкий предупредил, что длительное выживание бюрократии неминуемо приведет ко все более открытым попыткам укоренить свои привилегии в определенных легально оформленных видах частного имущества, то есть, ликвидировать оставшиеся социальные завоевания Октябрьской Революции и сбросить СССР обратно к капитализму. Автор этой книги утверждает, что именно этот контрреволюционный процесс находит свое сознательное выражение в политике Горбачева.

Но возрождение капитализма в СССР не может быть достигнуто просто на основе декретов Кремля. Прежде, чем советская бюрократия сумеет превратить себя в класс, она должна физически подавить рабочий класс в течении жестокой контрреволюции.

Итак, эти статьи закончились предвидением, что скоро политика Горбачева встретит сопротивление рабочего класса. Автор указал на события в Китае, происходившие в то время, как на предзнаменование будущего в СССР. Подобно тому, как китайские рабочие и студенческая молодежь были брошены в борьбу ужасными последствиями возрождения капиталистического рынка пекинскими сталинистами, этот анализ предвидел, что советский пролетариат восстанет против, в корне, капиталистической программы *перестройки*.

Это предвидения было с тех пор драматически оправданы исторической забастовкой сотен тысяч советских шахтеров, которая в течении нескольких июльских дней промчалась из Сибири на Урал и на Украину.

Появление советского пролетариата внезапно обнажило решающие и неразрешенные классовые вопросы, лежащие в корне политической ситуации в СССР. Даже буржуазная пресса была вынуждена признать, что движение рабочего класса представляет околный вызов экономическим целям Горбачева. Как писал Билл Келлер, московский корреспондент *New York Times*, 26 июля:

"В основном просмотренным, в первоначальном манифесте советских шахтеров, которые теперь возвращаются на шахты с предварительной победой, было одно требование, которое должно было причинить Михаилу Горбачеву тревожные содрожания.

"Заодно с пайками мыла и зимними ботинками, ночными добавками и большей политической силой, многие из шахтеров требовали отменения или резкого ограничения широко размахнувшихся частных предпринимателей, которые накопили богатства и громадную враждебность при новой экономической программе, которую пытается построить мистер Горбачев."

Келлер заметил, что Горбачев решил покамест представить себя, как союзника шахтеров.

"Но пробуждение рабочего класса несет риск и для Горбачева.

"Немедленный риск, это опасность сокрушительного удара по искалеченному хозяйству. Другой риск, это сильная ненависть партийных консервативов, которые дрожат от беспорядков, особенно если последние направлены против них.

"Третий, менее заметный риск, это сами рабочие, выросшие в дряхлых, но знакомых условиях социальной безопасности, представление которых о *перестройке* не обязательно соответствует представлению экономических мыслителей Горбачева."

Келлер предупредил, что "нетрудно представить себе, что вновь мобилизованные рабочие в один прекрасный день употребят свою власть, против дислокаций ожидаемых в течении *перестройки*."

"Мистер Горбачев не может полагаться на поддержку рабочих для закрытия обанкроченной промышленности, снятия ограничений на цены продуктов ширпотреба, увольнений лишних рабочих, - всех мер, на которые ведущие экономисты соглашались, как необходимые для возрождения советского хозяйства.

"Кроме того, социальные опросы мнений, - и жестокая зависть направленная на процветающий частный сектор, - означают, что большинство рабочих верят, что государство

должно предотвратить обогащение некоторых граждан, в то время, как остальные отстают.

"Мистер Горбачев обрушился на эти традиционные 'уравнилочные' настроения, как на тормоза самых продуктивных рабочих, но этот инстинкт все еще глубоко укоренен в советских рабочих, которые теперь находят свой политический голос."

Уровень опасений ведущих капиталистических кругов по отношению к угрозе советских рабочих к политике Горбачева, нашел еще более яркое выражение в ведущей редакционной статье в *New York Times* 27 июля. После размышлений над посланиями Келлера, *New York Times* опубликовала редакционную статью, прямо названную "Интересы Америки в участии Горбачева," настаивая, что империализм США должен делать все от него зависящее, чтобы спасти советского лидера, "политика которого выражает высочайшие цели Запада, в формах, которые невозможно было даже себе представить с самого конца Второй Мировой Войны."

New York Times пошла дальше, настаивая, что возможно даже "помочь Горбачеву, если он захочет, преодолеть широко развернувшиеся стачки, которые угрожают его экономическим реформам."

Опасения *New York Times* имеют хорошие причины. Горбачев не сможет отделаться от советского пролетариата псевдо-демократическими фразами. Чтобы вернуть шахтеров на работу, он цинично представился другом рабочего класса. Но очень скоро шахтеры узнают, что обещания Горбачева и его эмиссаров, - даже письменные, - ничего не стоят. В самом деле, в момент написания этих строк, менее недели спустя с окончания шахтерских восстаний, пресса репортирует, что официальные профсоюзы контролируемые правительством СССР, поставили на обсуждение предложения запретить стачки, не имеющие разрешения официальных органов. Итак, на следующем этапе, уже подготавливается более жесткая и свирепая схватка между рабочим классом и бюрократией. Организованные в пику бюрократам, будущие забастовки потребуют не гарантий от Горбачева, а его свержения.

Поразительная история российского рабочего класса показывает, что каждое извержение промышленных схваток вело к громадному развитию революционного марксистского движения. Громадные забастовки 1896 года, с которыми российский пролетариат провозгласил свое рождение, как мировая историческая сила, подготовили основание Российской Социал Демократической Рабочей партии в 1898 году. Вспышка стачек в 1911 году, после лет политической реакции последующей за подавлением революции 1905 года, дала решающий социальный толчок для превращения

ленинской фракции в партию большевиков, и основала ее преобладающую позицию в рабочем классе.

Теперь, после десятилетий сталинских репрессий, подъем советского рабочего класса, возмущенный забастовкой шахтеров, неминуемо создаст новые условия для возрождения своих великих революционных традиций. Эти традиции представлены сегодня Интернациональным Комитетом Четвертого Интернационала, основанным на богатом политическом и теоретическом наследии непримиримой борьбы Льва Троцкого против сталинской бюрократии.

В новую эру пролетарской классовой борьбы, разворачиваемой теперь в СССР, Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала найдет средства донести свою программу политической революции против сталинизма, — необходимую часть своей стратегии мировой социалистической революции, — до внимания советского рабочего класса. Эта книга является вкладом в этот процесс.

Детройт, Мишиган, США 28 июля, 1989 г.

Глава первая Советское государство и пролетариат

Результаты выборов в Советском Союзе доната обнажили почти всеобщее презирание к сталинской бюрократии. Сталинисты потерпели унизительные поражения в крупных городах всей страны. В Ленинграде член Политбюро Ю. Ф. Соловьев, был забаллотирован; первый секретарь горкома партии, Анатолий Герасимов, получил всего 15% голосов; каждый ведущий член городской партийной верхушки был провален. Юрий Прокофьев, второй секретарь московского горкома, получил всего 13% голосов. Мэр Москвы, Валерий Сайкин, тоже был разгромлен. Партийные руководители потерпели поражения в Перми, Томске, Архангельске, Иваново и Фрунзе.

Высокопоставленные сталинисты потерпевшие поражение включают командующего Северным флотом, начальника Эстонского КГБ и командующего советскими войсками в ГДР. Хотя Владимир Щербицкий, секретарь ЦК КПУ и член Политбюро сумел выиграть никем не оспоренные выборы в сельской местности близ Днепрпетровска, 63.000 из 240.000 его избирателей, выражая свое неудовольствие, вычеркнули его имя из списка. Националисты в Армении успешно организовали бойкот голосований.

Нет никаких сомнений, что миллионы советских рабочих использовали эти выборы, чтобы зарегистрировать свою

ненависть к сталинским бюрократам, которых они обвиняют в бесхозяйственности и во все углубляющемся социальном кризисе. Но одно дело увидеть в этих выборах азбучное выражение массового неудовольствия. Совсем другое, признать беспочвенное и циничное утверждение Михаила Горбачева, что выборы выражают решительный разрыв со сталинским прошлым и широкий шаг к возрождению советской демократии.

Во первых нужно заметить, что даже с точки зрения формальной демократии, эти выборы были вовсе не "свободными". КПСС являлась единственной легальной партией. Во многих округах кандидаты выбранные сталинистами даже не оспаривались. Далее, эти выборы были организованы на основе конституционных реформ секретно разработанных Горбачевым и его помощниками из бюрократической верхушки в течении последнего года. Горбачев ранее предложил очертания своего плана конституционных и избирательных реформ во время 19-й партконференции в июне 1988 года. Несмотря на то, что трудящиеся послали десятки тысяч писем в Верховный Совет, все правительственные дебаты проходили за закрытыми дверями.

Десятки поправок к конституции и к избирательным законам были приняты совершенно секретно. Согласно статье в лондонском *Financial Times*, напечатанной в декабре прошлого года, даже ведущие члены Верховного Совета не были информированы о поправках до самого дня голосования. Большинство поправок даже не было опубликовано в течении нескольких недель после их принятия.

Согласно с новой избирательной системой, создается Съезд Народных Депутатов СССР, состоящий из 2250-ти делегатов. 1500 из них были выбраны. Остальные 750 депутатов состоят из людей, отобранных разными партийными и официально-разрешенными государственными организациями. Сто из этих особых невыбранных делегатов, включая и самого Горбачева, были отобраны Центральным Комитетом КПСС.

Делегаты Съезда Народных Депутатов СССР выберут примерно 450 из своих членов в двухпалатный Верховный Совет, который предположительно будет контролировать законодательные и административные мероприятия.

На еще более высоком уровне будет Президиум Верховного Совета, который, согласно речи Горбачева об этой многоярусной государственной организации, "будет направляем в своей работе Президентом Верховного Совета."

А Президентом, конечно, будет сам Горбачев, и, как он скромно предложил в июне прошлого года, Президенту "нужно предоставить достаточно широкие государственные права. Именно, Президент будет давать направление проектировке законов и основных социально-экономических

программ, решать основные вопросы внешней политики, обороны и государственной безопасности, председательствовать в Совете Обороны, предлагать кандидатуры на место Председателя Совета Министров СССР, и выполнять разные другие обязанности, обычно связанные с постом Президента."

Можно предполагать, что даже Сталин был бы удовлетворен должностью с такой обширной и малоограниченной властью! Во всяком случае ясно, что "реформы" Горбачева дают бюрократии полную возможность определить состав правительства и направление его политики.

Буржуазные комментаторы оценивают прогресс в СССР по меркам формальной демократии; можно заявить, что даже по этой статье, они не очень привередливы. Поскольку политика Горбачева поощряет рост капиталистических тенденций в СССР и служит стратегическим интересам империализма, мировая буржуазия готова простить его тоталитарные "упущения." Но для марксистов, прогресс означает усиление советского пролетариата, его независимую революционную мобилизацию против паразитирующей бюрократии. С точки зрения интересов международного рабочего класса, самый важный аспект избирательной системы – и то, что обнажает ее основной реакционный характер – это способ с которым Горбачев сумел еще больше ослабить политические и социальные позиции советского пролетариата.

Настоящее политическое значение политики Горбачева становится понятным только в контексте истории государства, которое вышло из Октября 1917 года, когда рабочий класс, организованный в Советы рабочих депутатов под руководством большевиков, свергнул буржуазное Временное Правительство. Взятие власти рабочими Советами и установление диктатуры пролетариата, представляли величайшее, в мировой истории, расширение настоящей демократии.

Маркс и Энгельс установили, что государство, есть исторический продукт классового общества, не нейтральный социальный судья, а жестокий, насильственный инструмент подавления, с помощью которого правящий класс навязывает свою социальную и политическую волю на угнетенные и эксплуатируемые классы. Каждое государство, которое существовало в истории, представляло диктатуру преобладающего класса. Государства древнего мира представляли диктатуру рабовладельцев над рабами; феодальные государства Средних Веков представляли диктатуру дворянства и помещиков над крепостными; нынешнее капиталистическое государство, несмотря на "демократическую" внешность, представляет диктатуру буржуазии над рабочим классом.

В октябре 1917 года дела решительно изменились: впервые в истории, пролетариат взял власть и заложил свое государство, основанное на Советах, чтобы подавить сопротивление старых эксплуататоров, чье имущество было экспроприировано. Пролетарская диктатура отличалась от всех ранее существовавших государств в двух решающих обстоятельствах. Во первых, опираясь на сознательное политическое пробуждение и борьбу ранее эксплуатируемых масс, она представляла собой громадное и исторически беспрецедентное расширение демократии, которая в прошлом, существовала только для богатых. Во вторых, поскольку она пыталась положить конец классовому обществу, то есть, объективной социальной подоплеке самого государства, пролетарская диктатура являлась первым государством, занятым собственной ликвидацией.

Большевики не ожидали, что эта историческая цель, – "отмирание государства", – может быть достигнута без распространения социалистической революции за пределы Советского Союза. Социализм, – то есть настоящий марксизм, а не его сталинистская фальсификация, – предполагает настолько высокое развитие производительных сил, что обильное удовлетворение всех материальных человеческих нужд становится экономически возможным. В России во время Октябрьской Революции таких возможностей не существовало. По взятии власти, большевики должны были во первых освободить Советский Союз от пережитков полуфеодальной отсталости. А для полного экономического переворота СССР и развития по настоящему социалистических форм распределения, большевики полагались на победу пролетариата в основных империалистических центрах Западной Европы и Северной Америки.

Но международные революционные победы, на которые полагались большевики, не произошли. Вместо них, поражение революционных вспышек, последовавших за Октябрьской Революцией, означало период длительной изоляции СССР. К тому же трехлетняя Гражданская война (1918–21 гг.), продукт империалистических попыток свергнуть большевиков, привела Советский Союз к экономической и социальной разрухе. Пролетариат был обескровлен в жестокой борьбе навязанной на Советский Союз.

Это и были материальные предпосылки разложения Советов и роста громадного бюрократического государственного аппарата. Давление государственной бюрократии на РКП(б) нашло свое политическое выражение в росте консервативной фракции ведомой Сталиным. В 1923 году Левая Оппозиция под руководством Троцкого начала политическую борьбу против растущего политического давления бюрократии внутри РКП(б). Поражение левой

Оппозиции, закончившееся исключением Троцкого из партии в ноябре 1927 года, было неразрывно связано с уничтожением советской демократии. К середине 30-х годов то, что раньше было партией большевиков, было раздавлено бюрократией. Бонапартистская диктатура Сталина представляла собой узурпацию политической власти жестокой кастой бюрократов, решительно защищающих свои привилегии.

Определяя бюрократию, как **привилегированная каста**, а не как **правящий класс**, Троцкий настаивал, что бюрократия не создала новые формы имущества и не имела независимого отношения к средствам производства. Привилегии бюрократии основывались на имущественных формах созданных Октябрьской Революцией. Поскольку советское государство все еще защищало национализированные имущественные отношения созданные в 1917 году, оно оставалось пролетарской диктатурой, хотя и в резко выродившейся форме. Но Троцкий неоднократно предупреждал, что если пролетариат вновь не захватит настоящую власть путем политической революции, которая свержет бюрократию и возродит Советы, как массовые органы рабочей власти, то продолжающаяся дегенерация советского государства в конце концов приведет к реставрации капитализма. Как объяснил Троцкий, сама бюрократия усиленно толкает в этом направлении, пытаясь создать более устойчивую базу своего правления путем установления особых форм имущества.

В 1936 году Сталин предложил новую конституцию, которая по его заявлению была "самой демократической в мире." Обнажая этот подлог Троцкий писал: "На политической арене, различие между новой и старой конституциями, это возвращение от советской системы голосования согласно классовым и индустриальным группам, к системе буржуазной демократии основанной на так называемом 'всеобщем, равном и прямом' голосовании распыленного населения. Короче говоря, это вопрос юридической ликвидации диктатуры пролетариата. Там где нет капиталистов, нет и пролетариата, говорят авторы новой конституции; поэтому само государство из пролетарского становится национальным. Этот аргумент, со всей своей поверхностной приманкой, или запоздал на девятнадцать лет, или намного опередил себя. Экспроприируя капиталистов, пролетариат приступил к своей собственной ликвидации, как класс. Но от ликвидации в принципе до фактического растворения в обществе лежит дорога, тем более далекая, чем больше новое государство вынуждено выполнять основные задачи капитализма. Советский пролетариат еще существует как класс, глубоко отличающийся от крестьянства, от технической интеллигенции и от бюрократии, и кроме того, — единственный

класс полностью заинтересованный в победе социализма. Новая конституция хочет растворить этот класс 'в нации' задолго до его экономического растворения в обществе" (Лев Троцкий, *Преданная Революция*).

Этот анализ сталинской конституции особенно актуален исследуя характер недавних выборов и вообще всего горбачевского плана "реформировать" государственную структуру. Политические, экономические и идеологические корни *перестройки* растут не из взятия власти большевиками в 1917 году, а из уничтожения советской демократии и из монополизации политической власти бюрократией под руководством Сталина. Судя по эффекту на отношения между советским рабочим классом и государством, новая избирательная система безусловно представляет дальнейшую дегенерацию пролетарской диктатуры. Разбор речи Горбачева на 19-й партконференции ясно показывает, что избирательные реформы были сознательно направлены на ослабление политического давления советского пролетариата на направление государственной политики.

"Товарищи! Известно, что наше государство родилось как орудие диктатуры рабочего класса, а на рубеже 60-х годов был сделан вывод о постепенном перерастании его в общенародное. Но чем глубже мы вникаем в содержание политического процесса, тем очевиднее становится необходимость довести нашу государственность до общенародной в полном объеме этого понятия..."

"И не следует опасаться непропорционального представительства различных слоев населения. Боевые, политически грамотные люди есть у нас и в рабочем классе, и в крестьянстве, и в интеллигенции." (*Правда*, 29 июня 1988 г.)

Было бы тратой времени заметить Горбачеву, который не знаком даже с рудиментами марксизма, что его болтовня о "народном государстве" — это мелко-буржуазная чепуха. Маркс бесцеремонно расправился с лассальянским "свободным народным государством" еще в 1875 году. Государство всегда было и будет орудием классового правления. Само его существование объективно означает разделение "народа" на враждебные классы. Поскольку происходит растворение классов в объединенном человечестве, государство должно таять, разлагаться и исчезать.

Но Горбачев, являясь анти-марксистом в полном смысле этого слова, выводит свое "общенародное государство" прямо из существования "разных социальных слоев" внутри советского общества. В этом он идет согласно традиционным буржуазным понятиям. Буржуазия ненавидит марксистское классовое определение государства. Даже когда громадные транснациональные конгломераты осуществляют почти невообразимый контроль над

политической, социальной и экономической жизнью, буржуазия пытается изобразить свое упадочное и внутренне разложенное демократическое государство, как представляющее "народ."

Нужно подчеркнуть, что горбачевский призыв к "общенародному государству" коренится в определенных политических соображениях. Бюрократия чувствует, что обозначение этого государства как пролетарская диктатура, уж слишком противоречит политике, которая все более сознательно метит к легализации частной собственности в средствах производства и к гласному поощрению новой "советской" буржуазии.

Избирательная система была предназначена уменьшить прямое представление индустриального пролетариата на Съезде Народных Депутатов. Когда Горбачев очертил избирательную систему в июне прошлого года, он назвал профсоюзы, как только одну из многих социальных, профессиональных и художественных организаций, которым разрешено выбирать 750 специальных депутатов на Съезд. В СССР, где более 35-и миллионов рабочих заняты в основной индустрии, "непропорциональное" представление может только означать понижение официального статуса пролетариата.

Уже есть признаки, что советский рабочий класс хорошо понимает, что избирательная система сманипулирована в пользу мелко-буржуазного слоя. Например, 16 февраля *Правда* описала собрание в ЦК КПСС с так называемыми представителями рабочих. Заявление С. Ф. Матющенко, оптошлифовщика с Амурского машино-строительного завода было одним из цитированных:

"Говоря о новой избирательной системе, оратор отметил некоторые недостатки, в частности в плане гарантированного участия представителей трудящихся масс, рабочих и крестьян. На практике предпочтение отдается интеллигенции, служащим, техническим работникам. Кое-кто даже заявляет, что предстоящий первый Съезд народных депутатов СССР - это не съезд передовиков производства. Рабочий должен стоять только у станка, а решение государственных вопросов, мол, по плечу только интеллигенту" (*Правда*, 16 февраля 1989 г.).

Сравнительно со своим численным и экономическим весом в советском обществе, представление рабочего класса, и особенно индустриального пролетариата на Съезде народных депутатов незначительно. *Известия* писала в мае, что из более двух тысяч делегатов, было всего 288 индустриальных рабочих. Даже если расширить определение рабочего до широчайшего смысла, соединив их с колхозниками, то согласно *Правде* число рабочих депутатов было всего 23,7% от общего числа. По сравнению, 24,7% делегатов были представителями "научной и художественной интеллигенции. Результаты выборов на Съезд побудили В. И. Мельникова, первого секретаря обкома Коми АССР заметить, что "рабочий класс исчезает из сферы политических действий" (*Правда*, 27 апреля 1989)

Когда Ленин говорил о советской системе, он всегда подчеркивал ее особенный и исторически беспрецедентный демократический характер. "Советская власть *первая* в мире (строго говоря, вторая, ибо то же самое начала делать Парижская Коммуна) *привлекает* массы, именно *эксплуатируемые* массы, к управлению.... Советы - непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, *облегчающая* им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно" («здесь и дальше наши цитаты приведены из: В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 5-е издание, Госполитиздат, Москва», т. 37, стр. 256-7).

Представление Горбачева не имеет ничего общего с Лениным. На 19-й партконференции он заявил: "Нужно бороться за аппарат нового типа, основанный на высоком профессионализме, владеющий современной информационной технологией, демократически контролируемый народом, способный двигать вперед экономический и социальный прогресс. И работать в таком аппарате должны люди, хорошо владеющие основами науки управления. Отсюда и задача по новому, на современном уровне наладить подготовку и переподготовку соответствующих кадров." (*Правда*, 29 июня 1988 г.)

Этот "аппарат нового типа," просто является старым буржуазным типом государственного аппарата, в котором решения остаются в руках специалистов грязных дел правления, профессиональных представителей особой принудительной силы. Чтобы подчеркнуть этот пункт, Горбачев предупредил Центральный Комитет в июле 1988 года: "На конференции сформулировалась ясная позиция - нам не обойтись без современного, компетентного, высокопрофессионального аппарата управления." (*Правда*, 30 июля, 1988 г.)

Ударение на создании "аппарата нового типа", сделанное Горбачевым, дает ясное представление о сущности политического конфликта, который развернулся внутри бюрократии. Фракция Горбачева представляет именно те слои государственного и партийного аппарата, которые особенно враждебны к формам государственного имущества, созданным в 1917 году. Наиболее последовательно представляя чаяния бюрократии обосновать свою власть на более прочной основе - т.е. на основе прямого личного владения производительными силами - фракция Горбачева в настоящее время обеспечивает центр тяжести, даже не говоря о беспрецедентной степени законности, всех анти-социалистических тенденций внутри СССР.

"Перестройка" государственного аппарата направлена на создание надежной политической основы для защиты новых буржуазных имущественных форм, которые поощряются режимом. Горбачев ясно признал эту связь

между изменениями в государственной структуре и экономической программой *перестройки* в своей июльской речи перед ЦК: "Этот аппарат должен решительно перестроить свою работу с учетом требований радикальной экономической реформы и с учетом новой роли трудовых коллективов." (*Правда*, 30 июля, 1988 г.)

Когда Горбачев "воюет" с бюрократией, или вернее, с ее частью, он направляет свои удары против тех слоев в государственном и партийном аппарате, позиции и привилегии которых тесно связаны с администрацией национализированной промышленности и коллективизированного сельского хозяйства. Такой вид анти-бюрократической "борьбы" обеспечивает политическую ширму для открытой атаки на имущественные отношения рожденные в Октябрьской Революции. В погоне за "радикальной *перестройкой*" - то есть осуществлением свободных рыночных отношений, ликвидацией монополии внешней торговли и легализацией частного владения средств производства - фракция Горбачева пытается создать объединение самых привилегированных и политически выразительных слоев советского общества: от элиты менеджеров в самых богатых секторах государственной индустрии, совхозов и колхозов, до технократов, интеллигенции и жадной мелкой буржуазии, численный рост и обогащение которой, является одним из основных целей сталинистского режима.

Глава вторая

Открытие нового понятия социализма

В поразительном интервью, опубликованном в *Известиях* в декабре, социолог и экономист Татьяна Заславская, одна из основных советников Михаила Горбачева, дала такое объяснение ситуации, приведшей к запуску *перестройки*:

"Революцией *перестройку* можно назвать в силу радикальности поставленных ею целей и требуемых для их достижения средств. Ситуация, в которой она начиналась, в сущности, была предреволюционной - 'низы' не хотели и отказывались качественно работать, а 'верхи' уже не могли их заставить. Общество входило в кризисное состояние, страна отставала от мирового уровня в научно-техническом и социально-экономическом отношениях, сползала на обочину мирового прогресса. Естественно, что это вело к росту недовольства масс, выражаемому во все более острых формах.

"В результате сама жизнь поставила нас перед выбором: либо вернуться к откровенно репрессивным

методам, достаточно ясно показавшим свою неэффективность, либо осуществить коренную реформу всех общественных отношений - иначе говоря, сделать именно то, что мы называем сейчас *перестройкой*. Революционная по своему социальному содержанию *перестройка* - 'категорический императив', предъявляемый нам историей." (*Известия*, 24 декабря 1988 г.)

Эти замечания Татьяны Заславской, которая является одним из делегатов назначенных Горбачевым в Конгресс Народных Депутатов, выражают страхи пугающие самые пронизательные слои бюрократии. Более пол-века после поражения Левого Оппозиции, уничтожения советской демократии и физической аннигиляции всего поколения большевиков, которое руководило Октябрьской Революцией, сталинистская бюрократия сознает больше, чем когда либо, свою шаткую власть над советским обществом. Несмотря на десятилетия репрессии, бюрократия до сих пор не смогла разрешить историческую проблему, лежащую в основе кризиса режима. Она - не правящий класс; то есть, ее социальное существование не является необходимым выражением определенных форм имущества, а также не укоренено в независимом отношении к средствам производства. Бюрократия скорее, - каста, отношение которой к национализированному государственному имуществу, основанному пролетариатом в Октябре 1917 года, является, в сущности, паразитическим, и привилегии которой, в конечном итоге зависят от ее монополизации политической власти.

Повторные взрывы рабочего класса в Восточной Европе, - начиная с восстания восточногерманских рабочих в 1953 году, за ним Венгерская Революция в 1956 году, Пражская Весна 1968 года, и наконец повторные стачечные движения польского рабочего класса в 70-х и 80-х годах, - обнажили крайнюю слабость бюрократии. Озабоченные бюрократы в Советском Союзе сделали свой вывод из польских событий 1980-81 годов. Подъем Солидарности, которая почти мгновенно стала движением миллионов, открыл, что польская коммунистическая партия не имела почти никакой значительной социальной базы. В конце концов, бюрократия нашла своего спасителя в личности генерала Ярузельского. Подавление рабочего класса потребовало хирургического вмешательства военных; даже это последнее не смогло бы спасти сталинистский режим, если бы не политическое банкротство руководства Солидарности, которое противилось революционному свержению бюрократии, и так лишило польский пролетариат средств успешно завершить свою борьбу.

Читатели обращены к книге Wolfgang Weber, *Solidarity in Poland, 1980-1981: and the Perspective of Political Revolution*, (Detroit: Labor Publications, 1989).

Чувство отчаяния среди высших эшелонов советской бюрократии интенсифицировалось все более ухудшающейся экономической ситуацией, эффект которой на условия жизни масс в их глазах неминуемо вел к социальному взрыву беспрецедентной величины. А кроме того, закоренелые структурные проблемы советского хозяйства совершенно опорочили программную основу сталинизма – "теорию" социализма в одной стране. Перекосы скрывающие все отделы индустрии, отсталость земледелия, низкий уровень производительности труда, застой в темпах роста, дефициты потребительских товаров и нехватки продовольствия – они все связаны с изоляцией Советского Союза от мирового рынка и международного разделения труда.

Со времени выборов Горбачева генеральным секретарем в 1985 году, бюрократия приняла меры для усиления своих позиций против рабочего класса. Политика Горбачева в основном состоит из двух взаимосвязанных элементов. Внутри СССР, бюрократия пытается расширить свою социальную базу поощряя рост новых буржуазных слоев в городах и селах на основе реставрации частной собственности. На международном масштабе, Горбачев движется к интеграции советского хозяйства в мировой рынок капитализма. Бюрократия пытается подорвать социалистические тенденции внутри советской экономики, в то-же время политически ослабляя позицию пролетариата. Совокупно, программа Горбачева представляет развернутое наступление на имущественные отношения основанные Октябрьской Революцией.

Десятилетиями бюрократия пыталась оправдывать свою экспроприацию политической власти заявляя, что несмотря на "отдельные" преступления Сталина и ошибки "культ личности", она представляет преемственность большевизма и защищает завоевания Октябрьской Революции. Эти аргументы больше не имеют никакого веса. Горбачев вынужден развить новую идеологическую линию, чтоб оправдать меры, которые уже принимают бесспорно капиталистический характер. Согласно заявлению Вадима Медведева, члена Политбюро заведующего идеологией, в журнале *Коммунист*:

"Перестройка вступает в такую полосу, когда требуется более серьезная и более действенная поддержка практических действий. Это касается в первую очередь глубоких перемен, которые начаты в производственных отношениях, в изменении форм собственности и суть которых состоит в том, чтобы постараться, как это ни трудно, возродить интерес человека к труду, вернуть ему социальный, экономический и политический статус хозяина..."

"Социализм стоит перед лицом исторического вызова, требует глубокого качественного обновления, усиления динамизма. Новая концепция социализма должна не только

соответствовать реалиям конца XX столетия, но и приоткрывать более отдаленную перспективу общественного развития. Это ключевая задача, стоящая перед всем теоретическим фронтом." (*Коммунист*, #17, 1988 г., стр. 4)

Бюрократия пытается сформулировать "новую концепцию социализма" полностью совместимую с реставрацией капиталистического имущества. Дальше в интервью Медведев заявил:

"Главное, пожалуй, в перестройке отношений собственности, в преодолении возникшего в прошлом отчуждения человека от общественного достояния. В течении длительного времени общественная собственность развивалась в таких формах, при которых она казалась обезличенной, 'ничейной'. Критерием зрелости социалистической собственности считалось не приближение ее к человеку, а напротив, огосударствление. ...

"В ходе перестройки и экономической реформы пришлось круто менять сложившееся положение дел, опираясь на широкое применение экономических методов, основанных на управлении интересами и через интересы. Начался необратимый и широкий процесс придания общественной собственности на средства производства новых, во многом неведомых нам в последние десятилетия форм.

"Нельзя не сказать, что это вызвало – да еще и вызывает – и определенное сопротивление, настороженность и даже растерянность. Обнаружилось, что у нас практически нет теоретических заделов, несостоятельны прежние, схематические трактовки общественной собственности, сами подходы к этой проблеме." (там-же, стр. 11)

Притворяясь не замечать нелепость своих утверждений, Медведев открыл "новую концепцию социализма" не делающую различия между национализированным и частным имуществом:

"Они (формы социалистической собственности) богаты и разнообразны – и в этом преимущество социалистической собственности, в этом ее гибкость, позволяющая улавливать и учитывать все многообразие конкретных условий хозяйствования в разных сферах, в разных отраслях и регионах. Тут не место доктринерству. Не следует, как это делалось раньше, изображать дело так, что вот эта форма – более социалистически зрелая и ей надо отдавать предпочтение, а другая, скажем личное хозяйство, – не годится. Здесь нужен интегрированный подход.

"Современному производству свойственны специфическая многоукладность, множественность форм хозяйствования в силу неравномерности научно-технического прогресса, различий в уровне реального, экономического обобществления и т. п. От этого нам не уйти, наоборот, это надо всячески поддерживать. Такого рода экономический

'плюрализм' очень важен, чтобы эффективно и гибко использовать наши материальные, трудовые ресурсы. Любая форма ведения хозяйства хороша, если она дает реальный экономический и социальный эффект, если позволяет полнее удовлетворять потребности людей, исключая эксплуатацию человека человеком" (там-же, стр. 16).

Другими словами, "социалистическое имущество" - это все, что так именует бюрократия!

Сам Горбачев вдохновляет эти новшества в области теории; он сказал на заседании ЦК 6 января, "Мы должны продолжать разработку концепции нового облика социализма." Он взял в этом деле инициативу объясняя, что цель *перестройки*, это "...нанести удар по отчуждению человека от средств производства, воссоздать у труженика развитое чувство хозяина, раскрыть его личный потенциал." (*Правда*, 8 января, 1989 г.)

Тема "отчуждения" особо дорога Горбачеву; вряд ли есть его речь, где бы он о ней не распространялся. Он использует философский термин, о котором молодой Маркс так глубоко думал в 1840-х годах, чтобы прийти к выводам, не имеющим ничего общего с гением, основавшим научный социализм. Согласно Горбачеву, - который понятно, вовсе не гений, кроме как в сфере бюрократических интриг, - отчуждение происходит от отделения человека от его имущества. Худшая форма отчуждения, настаивает Горбачев, это запрет на частное владение земли и превращение крестьянина в сельскохозяйственного работника. Отчуждение должно быть преодолено путем преобразования колхозов в частные "кооперативы", основанные на пятидесятилетней, по меньшей мере, аренде.

В своем заявлении на заседании ЦК КПСС в октябре 1988 года он сказал: "Так получилось, что в колхозах и совхозах произошел отрыв человека от земли, от средств производства. На селе такой отрыв сильнее и больше, чем в других отраслях народного хозяйства. Человек приходит в хозяйство как наемный работник для того, чтобы в какие-то часы что-то сделать, ведь надо же на жизнь зарабатывать. Стимул, конечно, определенный был, но этот работник не являлся тем, каким должен быть крестьянин на земле, на ферме. Это ведь живой мир - земля, природа, происходящие в ней процессы. Надо знать, чем живет земля, чем она дышит, ее надо чувствовать. Если ты работаешь на ферме, то надо хорошо знать живые организмы.

"Тот, кто вырос в деревне, помнит общение с природой, животным миром. Это все влияет, формирует человека, его крестьянскую психологию, его образ жизни. Оторвав человека от земли, от средств производства, мы из хозяина своей земли сделали поденщика" (*Известия*, 14 октября, 1988 г.).

Попытка Горбачева придать псевдо-философский лоск своей правой программе равносильна грубой фальсификации марксизма. На языке марксизма, понятие отчуждения неразрывно связано с частным имуществом. На определенной ступени развития производительных сил и разделения труда, человек становится отделен, т.е., отдален и отчужден от результата своей работы. Это отдаление, как поэтично объяснил Маркс в своих *Экономических и философских Записках 1844 года*, становится конкретным с появлением частной собственности, как исторически-необходимого социального отношения, которое соответствует определенной степени производительных сил. Историческое развитие частного имущества - это высшее выражение господства над человеком тех самых производительных сил, которые он породил. Эти производительные силы, действуя независимо от воли человека, определяя условия его жизни, представляются ему, как чужая сила, диктаты которой он должен исполнять. Эволюция имущества, кульминируя в капиталистическом имуществе, усиляет это отчуждение и воспроизводит его во все более тратичных социальных формах, до той степени, что социальная история человека принимает характер длительной дегуманизации. Но с развитием капитализма и с появлением пролетариата, то есть, класса вообще без имущества, открывается историческая дорога к практическому преодолению отчуждения через коммунистическую революцию, ликвидацию частной собственности, и полное обобщение результатов человеческого труда всем человечеством.

Мы не говорим, конечно, что программа *перестройки* исходит изза неправильного чтения Маркса и недоразумения о философском и историческом значении отчуждения. Меры Горбачева, конечно, укоренились в материальных интересах, которые и являются настоящим корнем теоретических конструкций советского вождя. Но именно эта связь между материальными интересами и их производной формой мышления обнажает основное значение идеологических понятий Горбачева. Связывая человеческое отчуждение с *запретом* на частное имущество, Горбачев проявляет законченную буржуазную точку зрения. И в самом деле, эта точка зрения настолько глубоко и традиционно укоренилась в мировоззрении буржуазии, что Маркс и Энгельс спорили против нее уже в 1845 году. В *Германской Идеологии*, первом систематичном изложении материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс объяснили, что буржуа и впрямь верит, что его собственность является настоящей основой его индивидуальности, и что отмена частной собственности противоречит "человеческой природе."

Как объяснили Маркс и Энгельс, "Но когда теоретики буржуазии выступают и предлагают общее выражение этому заявлению, когда они теоретически приравнивают

буржуазную собственность с индивидуальностью и хотят дать логичное оправдание этому уравнению, тогда эта чепуха начинает становиться торжественной и святой."

Все открытые выступления Горбачева и его пособников состоят именно из таких торжественных, святых, и можно добавить, реакционных нелепостей. Они служат иллюстрацией факта, что в роли социальной касты, бюрократия совершенно отдалена не только от идеологических оснований научного социализма, но и от основных завоеваний Октябрьской Революции. Именно предательство этой отчужденной и анти-социалистической бюрократии находит свое выражение в каждом аспекте политики Горбачева. Итак, цель восстановления частной собственности на землю, это не возродить любовь к флоре и фауне в сельскохозяйственном рабочем. Скорее, это возбудить страсть к прибыли и развить в форме возрожденного крестьянства, социальную базу буржуазных и мелко-буржуазных владельцев, на которую бюрократия сможет полагаться в предстоящих схватках с рабочим классом.

Эта цель была выражена впрямую на совещании горбачевских ученых. Консультант Социально-экономического отдела ЦК КПСС, В. Башмачников, сказал: "Сегодня все больше ученых, специалистов высказываются за необходимость радикальной аграрной реформы. Смысл ее выражает лозунг: 'Землю тем - кто ее обрабатывает!'. Другими словами, земледелец должен стать землевладельцем." А руководитель отдела ВНИЭСХ, В. Узун заявил: "Я убежден, что уже в преамбуле Закона об аренде со всей четкостью необходимо выделить положение о политической реабилитации крестьянства как класса" (*Известия*, 14 февраля, 1989 г.).

В основе непрерывных призывов режима к возвращению земли крестьянам, лежит лживое, эгоистичное и реакционное предположение, что кризис советского сельского хозяйства может быть разрешен лишь реставрацией капиталистических отношений в деревне. Принимая все предпосылки буржуазных экономистов, Горбачев и компания настаивают, что цель личной прибыли приведет к быстрому сельскохозяйственному развитию.

Бесспорно советское сельское хозяйство находится в состоянии глубокого кризиса; но этот факт демонстрирует провал сталинизма, а не социализма. Исторический корень хронической отсталости советского сельского хозяйства, да и всей экономики, лежит в сталинском положении, настаивающем, что социализм может быть построен в отдельном государстве. Эта совершенно реакционная теория, не имеющая ничего общего с марксизмом, служила бюрократии с середины 20-х годов, как оправдание ее отречения от программы мировой социалистической

революции. Согласно Сталину, Советский Союз не нуждался в ресурсах мирового хозяйства для преодоления наследия социальной и экономической отсталости, унаследованной от предреволюционной России.

Хотя марксизм всегда настаивал, что развитие социализма предполагает очень высокий уровень индустриального развития, - начальный пункт социализма, это высший уровень достигнутый капитализмом, - сталинисты утверждали, что все необходимые ресурсы для построения социализма могут быть найдены внутри России. Эта теория имела самые тяжкие последствия в сфере сельского хозяйства. Разрушения, сопровождавшие кампанию сплошной коллективизации, произошли из-за попытки "социализировать" сельскохозяйственное производство без необходимого уровня индустриального развития. Даже после завершения коллективизации ценой страшных человеческих потерь, сельскохозяйственное развитие оставалось затруднено общим уровнем индустрии, ее смежной инфраструктурой и технологией, которая до сих пор остается далеко позади передовых империалистических стран.

Итак, будущее советского сельского хозяйства неразрывно связано с судьбой социализма внутри СССР. Гармоничное развитие всех частей советской экономики требует неограниченный доступ СССР к ресурсам мирового хозяйства и к международному разделению труда. Это предполагает союз советского пролетариата с интернациональным рабочим классом во всеобщей революционной борьбе против империализма.

Эта перспектива является анафемой для советской бюрократии; все историческое существование последней связано с ее жесточайшей борьбой против перспективы мировой социалистической революции, изложенной в научной форме Троцким, в его теории перманентной революции. Вместо этого, при Горбачеве сталинистская бюрократия пытается разрешить противоречия советского хозяйства контр-революционным путем, т.е., через интеграцию СССР в структуру мирового империализма и через возрождение капиталистических отношений внутри советского сельского хозяйства и промышленности.

Капиталистическая программа Горбачева сосредоточена на уничтожении колхозов и разрушении государственной промышленности путем практически неограниченного развития "кооперативов", - эвфемизма советской бюрократии, для обозначения структур, известных в капиталистических странах, как корпорации. За последний год, число кооперативов подскочило с 8000 до 48000, а число людей занятых работой в них увеличилось примерно в десять раз.

Рост кооперативного движения получил горячую поддержку среди большой части советских экономистов, которые теперь даже не притворяются социалистами. Газета *Los Angeles Times* недавно писала об интервью с "известным академиком," который заявил газете "беспристрастно, что даже если конечная цель советского общества и будет какой то формой социализма, то сначала необходимо пройти этап капитализма...."

Согласно экономисту Г. Л. Фактору, директору исследований в Центре развития при Всесоюзном обществе экономистов, "Теперь уже ясно, что чрезмерно огосударствленная экономика не способна удовлетворить потребности общества в товарах и услугах. Подсчитано, что для оздоровления нашего народного хозяйства необходимо, чтобы кооперативный сектор (вместе с индивидуальным) производил до двадцати пяти - тридцати процентов всех товаров и услуг" (*Известия*, 27 декабря, 1988 г.).

Как объясняет это заявление, на кооперативы уже не смотрят как на небольшую подпорку государственной промышленности. Скорее, политика бюрократии направлена на упразднение самых непродуктивных частей государственной индустрии и преобразование самых развитых и эффективных промышленных предприятий в прибыльные кооперативы.

Преследуя эту цель, режим Горбачева шагнул к демонтажу монополии на внешнюю торговлю, упразднив ограничения на прямые денежные переводы между империалистическими концернами и советским хозяйством, государственным и кооперативным. Согласно постановлению Совета Министров СССР, которое вошло в действие 1 января 1989 года, право вести внешнеторговые операции было дано всем советским предприятиям, которые конкурентноспособны на мировом рынке. Резолюция гласит:

"Предприятия, объединения, производственные кооперативы и другие организации могут осуществлять импортно-экспортные операции непосредственно, создавая для этого при необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы, или на договорной основе через другие внешнеэкономические организации, руководствуясь при этом достижением наилучших условий экспорта и импорта, валютной самоокупаемости и самофинансирования и исходя из того, что государство по из обязательствам не отвечает" (*Известия*, 10 декабря, 1988 г.).

Эта резолюция создает легальный базис для демонтажа советской промышленности и расчленения централизованного хозяйства на соревнующиеся местные единицы, связанные с иностранным капиталом. Кроме того ясно, что эта резолюция дает возможность большим группам советской бюрократии на обогащение гораздо более широкое, чем их предыдущая мелкая коррупция.

По мере того, как центральный план будет терять свое экономическое значение, уже не говоря о своей силе закона, самые богатые и развитые секторы местной промышленности пойдут своей дорогой и будут искать финансовые связи с империалистическими предприятиями и организациями. Бюрократы, стоящие во главе разных секторов государственной промышленности, сделают определенные расчеты и скоро поймут, что их личные карьеры выиграют с отходом от централизованного плана и с превращением государственных предприятий под их контролем в кооперативы. Поддерживая "борьбу" Горбачева с бюрократией, они с удовольствием, в таких условиях, преобразят себя в предпринимателей и потенциальных буржуа типа компрадоров.

Даже до того, как резолюция о внешне-экономической деятельности кооперативов вошла в действие, их рост начал приводить в расстройство государственную промышленность. Это было замечено рабочим классом. *Правда* недавно описывала выступления группы рабочих приглашенных на собрание в ЦК КПСС. Учитывая, что приглашенные были вероятно, представителями самых привилегированных страт рабочих, их замечания могут быть лишь слабым отражением враждебности широкой массы рабочих к кооперативному движению.

Волочильщик Волгоградского сталепроволочно-канатного завода А. Е. Алиференко заявил: "Еще один вопрос, волнующий многих рабочих, - уход молодых квалифицированных кадров в кооперативы. Выступающий высказал свою точку зрения на проблему кооперации, подчеркнув, что ее развитие, безусловно необходимое обществу, должно идти при строгом соблюдении принципов социальной справедливости и порядочности" (*Правда*, 16 февраля 1989 г.).

Бригадир слесарей-сборщиков производственного объединения 'Ленинградский Металлургический Завод', В. С. Чичеров сказал: "Выступающий привел пример: некоторым рабочим его цеха предложили уйти в кооператив, на зарплату от 800 до 1.500 рублей. А сейчас, на заводе, их заработная плата около 500 рублей.

"По мнению рабочего, в обществе может сформироваться прослойка, имеющая незаслуженно большие доходы, что противоречит принципу социальной справедливости. Честных тружеников это явление возмущает" (там-же).

Мастер ателье Московского городского производственного объединения 'Силуэт', Е. К. Малькова отметила: "Здесь уже немало говорилось о кооперативах, но одну сторону никто не затрагивал. Недовольство ими возникло в народе в основном потому, что с самого начала кооператоры и рабочие государственных предприятий были

поставлены в неравные условия. Идет переток кадров из государственного сектора. В результате наша область обескровливается, уходит цвет. Еще один момент деятельности кооперативов: мы ожидали от них наполнения рынка товарами, а получаем подчас новую волну стихийного ценообразования, рост дефицита. Не будем закрывать на это глаза. Об этом говорят рабочие на предвыборных собраниях. Отсутствие гарантированного материально-технического снабжения кооперативов привело к тому, что из розничной продажи исчезают многие товары" (там-же).

В последние месяцы, советская пресса много раз репортировала о широком возмущении практикой кооперативов. Их считают виновными в ухудшении советского хозяйства и уровня жизни рабочего класса с начала *перестройки*. Народ постоянно жалуется, что кооперативы покупают государственные продукты по дешевым ценам и продают их втридорога. Правда даже была вынуждена заклеить феномен, так называемого, "группового эгоизма" кооперативов, их анти-общественные действия:

"Сейчас быстро возникает и совсем новый вид группового эгоизма, связанный с развитием кооперации. Чтобы пояснить, о чем речь, снова возьму такой доходчивый пример, как снабжение лекарствами.

"Сегодня у многих зарубежных фармацевтических фирм скопилось множество предложений о сотрудничестве, поступивших от советских кооперативов. Что только не жаждут продать они на твердую валюту!...

"Кооператив 'Универсал' в неограниченных количествах предлагает иностранным партнерам аптечную ромашку и еще 34 вида ценнейших лекарственных растений, произрастающих в СССР. Другой кооператив целится торговать облепиховым маслом, третий - родиолой розовой, занесенной в Красную Книгу. И без того скудные аптечные прилавки с народными снадобьями, в прошлом году еще более оголились, потому что кооператоры перебивают более высокой ценой государственных затоварителей..... Самые-то ценные лекарственные растения метят сбыть за валюту, обкрадывая свой народ.

"Но все это блекнет перед другим фактом, о котором пишу не без содротания. Об этом факте сообщила в Минмедбиопротом одна из иностранных фирм, на которую, видимо он произвел шоковое действие. Ведь один из кооперативов предложил ей за валюту... донорскую кровь!" (Правда, 14 февраля, 1989 г.).

Кооперативное движение также дает широкие возможности действиям рэкетиоров. Согласно статье в Известиях: "Рэкетеры ищут ходы в кооперативы, связанные с валютной деятельностью, пытаются проникнуть в совместные

с иностранными фирмами, предприятия" (Известия, 8 февраля, 1989 г.).

Повсеместная общественная враждебность, окружающая действия кооперативов, это источник глубокого расстройства Горбачеву и его компании. Советская бюрократия везде стоит перед закоренелой неприязнью рабочего класса ко всем попыткам возродить капитализм в СССР. Как бы она ни была политически запутана десятилетиями сталинисткой фальши и перекосов, Октябрьская Революция еще живет в сознании миллионов советских рабочих. Недавнее собеседование между Л.И.Абалкиным, главным экономическим советником Горбачева и его депутатом в Совете Народных Депутатов, и Александром Афанасьевым, комментатором Комсомольской Правды, иллюстрирует отчаянную ненависть рабочего класса к окружению Горбачева.

В ходе этого потрясающего обмена мнениями, Афанасьев жаловался, что реставрация капиталистических предприятий, пожалуй не находит общественной поддержки. Ссылаясь на новые законы, разрешающие кооперативные предприятия, он заметил с горечью, что "Мы ломились в закрытую дверь, уверовав, будто и с той стороны стучатся в ту же дверь массы предпринимателей, деятелей, хозяев, -- но вот чуть-чуть только, на сантиметр отжали створку, -- и теперь видно: деятелей нету!" (Комсомольская Правда, 8 февраля 1989 г.)

Соболезнуя со своим грустным коллегой, Абалкин заметил: "Они есть. Но мало их для такой огромной страны, чрезвычайно мало." Он тогда предложил, "И нам нужно вместе рассчитать, какие средства необходимы и сколько времени надобно, чтобы двигаясь выбранным курсом, восстановить животворящий слой, почву, если хотите, социальный гумус, без которого не вырастить новое качество жизни Я имею в виду прежде всего людей... Я имею в виду культурный слой. Производственный, технологический, научный, бытовой. Он был развеян ветрами 'преобразований'. Мы слишком долго боролись с интеллигентностью (во всех социальных сферах, от земледельцев до профессуры), с высшими способностями и умениями, с 'нездоровыми' инстинктами, на которых извечно и держалась жизнь."

Набрав вдохновения от этого реакционного монолога, который мог-бы быть сочинен Айн Рэнд (которая сама сбежала от Российской революции прежде, чем стать знаменитой в Соединенных Штатах, как гурзу капиталистического индивидуализма), Афанасьев выразил свое презрение к достижениям Советского Союза: "Лет через двадцать лет мы осознаем наверно, что железобетонные наши победы не более чем экскремент цивилизации."

Есть единственный выход, сказал Абалкин Афанасьеву. "Нужны миллионы совсем других работников!.... Ведь это же

срам: Россия мастерами славилась, и сейчас есть мастера и хозяева, но нет слоя мастеров и хозяев. Нет качества массы.... Причем я имею в виду и управленцев, и экономистов, и финансистов."

Тогда Афанасьев выразил свою горечь: "Эти битвы, Леонид Иванович, эти систематические экспроприации с календарной точностью вскрывают раны, едва успевающие за год зарубцеваться. О каком же наращивании социального тумуса вести речь, если 'машинка,' заведенная во времена военного коммунизма с редкими перерывами измолачивает нарождающуюся хозяйскую психологию до сих пор столь же исправно?"

"Против машины может действовать только машина," ответил Абалкин. "Система это ведь, увы не только аппарат. Это клубок отношений, вросших в десятки миллионов людей: рабочих, колхозников, агрономов, инженеров, учителей, врачей, руководителей. Я специально поставил руководителей на последнее место. Это так. Ведь без широкой социальной опоры, без глубоких корней в могучей массовой уравнилительной психологии консерватизм на поверхности долго бы не удержался."

И тогда Афанасьев сказал в заключение: "Идеология вросла в психологию." Глубоко растронутый этой мыслью, Абалкин повторил: "Идеология стала психологией."

Два ведущих представителя *перестройки*, как двое спившихся дворянских эмигранта, проливающих слезы над пустыми бутылками, горюют о судьбе матушки России, об ее растерянных ремесленниках и, с хозяйским чувством, людям. Они приходят к выводу, что виноваты сами российские массы. Идеалы Октябрьской Революции проникли им в души. Они не позволяют "социальным дрожжам" капитализма подняться вновь.

Этот жуткий диалог является леденящей артикуляцией ехидного антикоммунизма, вдохновляющего "черносотенных" идеологов *перестройки*. В этом диалоге выражено понимание самой бюрократии, что контрреволюционные цели *перестройки* неминуемо приведут к организации массового насилия против рабочего класса. Как выразились эти собеседники: "Только машина может противостоять машине."

Глава третья

Миф "чистой" демократии

Глубина политической оппозиции советского рабочего класса к программе *перестройки* отразилась в речи Михаила Горбачева на собрании московской городской организации КПСС 21 января 1989 года. Он признался, что правительство встречает все более открытый скептицизм о долгосрочных

последствиях своей программы. "Спрашивают, какое общество мы строили до сих пор? И что мы построили? А что дальше будет с нашей социалистической страной? Мы на социалистических ценностях остаемся или уже сдаем их куда-то?" Возмущенно отрицая, что Советский Союз отрекается от социализма, Горбачев признался в полужащите: "Но нам нужно идти дальше. А для этого мы должны поработать - и сейчас мы очень основательно это делаем - над философскими и политическими принципами обновления нашего общества." (*Правда*, 24 января, 1989 г.)

Неудобство Горбачева выражает кризис паразитической бюрократии, которая не может и дальше полагаться на избитые, набившие оскомину панацеи, подсунутые как "марксизм-ленинизм," которыми она пользовалась десятилетиями для защиты своего паразитического существования. Прокапиталистический характер внутренней политики Горбачева, совместно с его отчаянным движением интегрировать Советский Союз в структуру мирового империализма, смертельно подорвали то основное политическое оправдание существования бюрократического режима, что он защищает, несмотря на все свои преступления и бесчинства совершенные против рабочего класса, социальные завоевания Октябрьской Революции 1917 года от внутренних и внешних капиталистических врагов СССР.

В последние месяцы, Горбачев и его сотрудники пытались пойти в идеологическую контратаку за *перестройку*. Эта последняя пытается теоретически оправдать создание бюрократией новых, капиталистических имущественных отношений. Но контрреволюционная операция такой величины, включающая отречение даже от чисто формальной преданности традициям Октября, требует большего, чем умелое фальсифицирование цитат. Поскольку бюрократия стремится создать, новыми формами собственности, более надежную основу для своего существования и пытается сплотить мелко-буржуазные страты на свою сторону в оппозицию к советскому пролетариату, она вынуждена объявить о своей идеологической независимости от марксизма. В этом и есть основное значение бюрократических поисков "нового понятия социализма."

Главный идеолог партии, Вадим Медведев, был прямо спрошен советским журналом *Коммунист*: "С чем мы сейчас имеем дело - с переходом от одного этапа социализма к другому или сменой русла, сменой самой его модели?... Готовы ли мы сделать собственный шаг вперед в самих представлениях о социализме по сравнению с временами не только Маркса, но и Ленина?" (*Коммунист*, #17, 1988, стр. 4).

Медведев ответил, "Сегодня уже недостаточно простого возвращения к ленинской концепции социализма"

(там-же, стр. 7), и похвалился, что "...Работа по критическому осмыслению устаревших и формированию обновленных представлений о социализме в нашей партии началась вместе и в тесной связи с перестройкой" (там-же, стр. 5).

"Устаревшие представления", атакуемые советской бюрократией, это именно те, которые составляют основы научного социализма. Представьте, если можете, "марксизм", где классовая борьба потеряла значение, производственные отношения и формы имущества, существующие в определенной стране, отброшены, как маловажные особенности общества, а революционная борьба пролетариата против буржуазии считается вышедшей из моды. Вот это и есть "марксизм" Горбачева, Медведева и перестройки. Все теоретические новшества бюрократии направлены на политическое оправдание "социализма", который легализует частное владение средствами производства, санкционирует эксплуатацию советского рабочего класса, и облегчает интеграцию СССР в экономическую структуру мирового капитализма.

Критический идеологический компонент бюрократической реставрации частной собственности, включая право на наследство, это прославление буржуазной демократии, особенно капиталистической демократии в Соединенных Штатах. Советская печать переполнена речами партийных вождей и статьями ведущих комментаторов о благах демократии. Давайте поразмыслим о типичном примере этого нового жанра, о статье ведущего политического комментатора *Известий*, Станислава Кондрашова, названной "Мысли вдогонку, о Рональде Рейгане и не только о нем" напечатанной в *Известиях* 19 января, 1989 г.

"Вернемся снова к Рейгану - и к теме неожиданного сходства и нежелательных различий. Этот консерватор пришел в Белый дом благодаря избирателю, недовольному либерализмом 60-70-х годов, который в американском понимании этого явления означает растущее вмешательство правительства в экономическую и социальную жизнь. Пришел с ключевым обещанием скинуть вашингтонскую бюрократию с плеч народа, и хоть даже за океаном бюрократия размножается не хуже кроликов и удалось Рейгану далеко не все, он не устал провозглашать верность этому кредо. В своем прощальном телевизионном обращении к американскому народу, вспоминая начальные слова конституции США, он сказал: "Наша революция была первой революцией в истории человечества, которая действительно в корне изменила курс правления всего двумя словами: "Мы, народ". "Мы, народ", говорим правительству, что делать, а не оно указывает нам. "Мы, народ" стоим у

руля, а правительство - машина. И мы решаем, куда она должна ехать, каким путем и с какой скоростью".

"Раньше мы бы сказали на это: демагогия. А сейчас на ум приходит: парадокс. Парадоксально, но разве нет сходства, разве нет глубинной переклички между этим кредо американского консерватора и стратегической установкой на политическую реформу, проводимую сейчас советскими коммунистами?! Признаем: эта перекличка на почве вечной идеи демократии, которая про всем различии систем, способов и методов еще со времен древних греков означает народовластие."

Эта гиперболическая дань Регану скорее обнажает политическое и социальное мировоззрение кремлевской бюрократии, чем марксистский анализ буржуазной демократии и сущности государства. Кондрашов высказал больше, чем он намеревался, когда он признал, что есть "...сходство, ... глубинная перекличка между этим кредо американского консерватора и стратегической установкой на политическую реформу, проводимую сейчас советскими коммунистами". В конечном итоге, как узнал каждый американский рабочий, рейганский призыв "сбросить вашингтонскую бюрократию с плеч народа" служит кличем к упразднению даже минимальных ограничений жадных эксплуатационных appetitов правящего класса и к уничтожению социальных реформ завоеванных поколениями рабочего движения.

Кондрашов, чьи комментарии диктуются Кремлем, имеет понятие о демократии, вполне тождественное с мифологией буржуазии, которая пытается представить свое политическое преобладание в современном капиталистическом обществе, как высочайшее выражение воли всего человечества. Это азбука марксизма, - что не существует супра-классовой, "чистой" демократии, представляющей какой то вид абстрактной "вечной идеи".

Неудачная и невежественная ссылка Кондрашова на Древнюю Грецию обнажает нелепость его антиисторического и идеалистического представления. В своей громадной работе о древнегреческом обществе, известный историк Г.Е.М. де Сант Круа писал, "Мы не должны конечно забывать, что греческая демократия всегда в большой степени зависела от эксплуатации рабского труда, который в условиях преобладающих в древнем мире, был в большей степени необходим для поддержания демократии, чем другой, более ограниченной формы конституции" (G.E.M. de Ste. Croix, *The Class Struggle in Ancient Greece* [Ithaca 1981], p.284).

Замечания невежественного Кондрашова только копируют, хотя и в более вульгарной форме, доводы выдвинутые немецким оппортунистом и противником Октябрьской Революции, Карлом Каутским, "демократические" софизмы которого были так толково опровержены Лениным 70 лет назад:

"'Чистая демократия' есть лживая фраза либерала одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной.

"Если Каутский чуть не десятки страниц посвящает 'доказательству' той истины, что буржуазная демократия прогрессивна по сравнению со средневековьем и что ее обязательно должен использовать пролетариат в своей борьбе против буржуазии, то это именно либеральная болтовня, одурачивающая рабочих....

"Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда остается – и при капитализме не может не оставаться – узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных" (*Пролетарская революция и ренегат Каутский*, там-же, том 37, стр. 251-2).

Хотя Кондрашов очарован циничным обращением Рейгана к фразе "Мы, народ," Ленин хорошо понимал сущность лежащую за демократическим лицемерием буржуазии. Он писал, "Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение, и т. п. 'в случае нарушения порядка', – на самом деле, в случае 'нарушения' эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски. Каутский бесстыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, например, то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих....

"Охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой буржуазной партии, пролетариату же при всяком *серьезном, глубоком, коренном* вопросе вместо 'охраны меньшинства' достаются военные положения или погромы. *Чем больше развита демократия, тем ближе бывает при всяком глубоком расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне* (там-же, стр. 254-5).

Буржуазная демократия Рональда Рейгана, которую Кондрашов находит такой привлекательной, дает особенно яркие иллюстрации реакционных склонностей замеченных Лениным. Действуя во имя "народа", Реган уволил 12.000 контролеров воздушного движения в августе 1981 года и уничтожил их профсоюз. Это дало сигнал жестокому, но вполне законному походу правящего класса на уничтожение профсоюзов, который получил двухпартийную поддержку всех демократических институтов капиталистического государства.

Политический комментатор *Известий* вроде и не знает о недавних слушаниях в Сенате о скандале Иран-Контрас, который обнажил тайственный отдел правительства, действующий из погреба Белого дома и организовавший интернациональные террористические операции американского правящего класса. Он, вроде бы, не обращал внимания на открытие, что одним из основных заданий Оливера Норта, – о котором "демократически" настроенные сенаторы согласились открыто не говорить, – включало подготовку военного закона и арест тысяч американских политических диссидентов в случае чрезвычайной государственной необходимости.

Понятия буржуазной демократии были впервые изложены революционными теоретиками восемнадцатого века, которые открыли дорогу уничтожению феодального абсолютизма. Под знаменем "Свободы, Равенства и Братства", растущая буржуазия сплотила все прогрессивные силы общества против реакционного феодального строя. Но универсальные притязания буржуазии, основанные на анти-аристократическом принципе равенства всех людей перед законом, были скоро подорваны и опровержены развитием специфичного социального противоречия, эндемического буржуазному строю, то есть, классовой борьбы между капиталистами, владельцами средств производства, и пролетариатом.

Даже во время расцвета капиталистического развития, классовая сущность капиталистической демократии обнаруживала себя с жестокой ясностью, едва только движение пролетариата сталкивалось с классовыми интересами буржуазии. Спустя десять лет после Американской Гражданской Войны, несомненно, одной из величайших демократических революций в истории, государственная власть победоносной буржуазии была мобилизована против возникающего рабочего движения. В интересах консолидации своей власти против рабочего класса, северная буржуазия устроила политический компромисс с остатками старых южных рабовладельцев и санкционировала жестокое лишение демократических свобод недавно освобожденных рабов. Американская буржуазная демократия легко приспособилась к Ку Клуks Клану и к закону Линча; она даже нашла "демократическую" формулу в доктрине Верховного Суда, "различные, но равные," для санкции массовой дискриминации (и которая оставалась в силе до 1954 года).

Внутренняя проституция буржуазной демократии завершилась в эпоху империализма. Практическое содержание формально законного равенства становится незначительным перед лицом власти олигополистических корпораций, щупальцы которых покрывают весь мир. Сидя в своих небоскрегах Мэнхэттена, несколько сот корпоративных

"хозяев вселенной", — которые конечно имеют только по одному голосу в день выборов, — контролируют десятки миллионов. Извращенные "демократические" институты буржуазии служат в основном, как механизм, обеспечивающий физическую эксплуатацию и душевное порабощение рабочего класса. Именно потому, что империалистическая эпоха характеризуется громадным обострением классовых антагонизмов, буржуазия теряет интерес во всех, кроме самых поверхностных и формальных, аспектах демократии. При первой необходимости она готова выбросить и эти последние. Итак, единственно надежная основа для защиты демократических свобод, это не институты буржуазной демократии, а независимая борьба рабочего класса. Как замечательно объяснила Роза Люксембург в начале нашего кровавого века, социалистическое движение не зависит от буржуазной демократии, а скорее судьба демократии зависит от социалистического движения.

Мы сомневаемся, что эти исторические и теоретические соображения имеют значение для сталинистского халтурщика вроде Кондрашова, который, во всяком случае исповедует "демократию," писав то, что ему прикажут. Внимательное чтение его статьи открывает социальные и политические цели, мотивирующие бюрократическую реабилитацию буржуазной демократии. В ключевом отрывке Кондрашов пишет:

"Одно из самых глубоких наших идеологических и практических расхождений с демократиями западного типа, подчеркивавшихся 'лично' Рейганом, заключалось в разном взгляде на отношения государства и личности. Они на первое место ставили личность, мы — государство, ту же командно административную систему, выступившую как бы в коллективистских одеждах. Даже известный лозунг 'Все для человека, все во имя человека' нес в себе, если вдуматься, некий патерналистский акцент опеки и покровительства со стороны государства, которое в качестве всемогущей и всеведущей силы обещает благодетельствовать человека и гражданина, стоя над ним и действуя как бы помимо него. В последние годы, постепенно разрушая сталинские и брежневские стереотипы, мы обретаем понимание суверенности человеческой личности и потому находим общий язык с Западом в вопросе, который раньше рассматривали как посягательство на наши внутренние дела, — о правах человека".

Аргументы Кондрашова верно копируют основные мнения антикоммунистических идеологов американского капитализма. Он, беззастенчиво соглашается с реакционным индивидуализмом, являющимся основным компонентом антиобщественной идеологии американского капитализма. В основе этого индивидуализма — защита частного

капиталистического имущества. Для американских капиталистов, которым речи Рейгана кажутся поэзией, все формы борьбы рабочего класса представляются вторжением в их имущественные, а следовательно, и личные права. Сама организация рабочих в профсоюзы рассматривается капиталистами, как неоправданное ограничение употребления и использования ими уже купленной рабочей силы. Поскольку буржуазное государство под давлением рабочего класса было вынуждено учредить некоторые мелкие реформы в сфере норм зарплаты, условий работы и социального обеспечения, постольку буржуазия смотрит на них, как на разные формы вымогания, которые подрывают свободу индивидуального капиталиста.

В социальных условиях СССР, этот реакционный антикоммунистический бред служит просто ширмой для демонтажа национализированной промышленности и возрождения частной собственности средств производства. Когда Кондрашов говорит об упразднении "командно-административной системы," он имеет в виду не удаление бюрократической заразы с тела пролетарского государства. Его аргументы скорее направлены против самого существования национализированного имущества и государственного планирования. Для Кондрашова, вернее, для его покровителей в Кремле, злобедность командно-административной системы" заключается не в бюрократическом подавлении пролетарской демократии, не в подрыве национализированного имущества и саботаже всего механизма государственного планирования. Эти настоящие преступления бюрократии против трудящихся не интересуют Кондрашова. Термин "командно-административная система," в новом лексиконе бюрократии, превратился в политический синоним обозначающий все институты национализированного имущества и государственного экономического планирования, которые преграждают путь систематической приватизации хозяйства и мешают развитию капиталистических форм имущества.

Официальные осуждения "командно-административной системы" являются средством, с помощью которого, бюрократия ставит под вопрос имущественные отношения, основанные пролетарской революцией 1917 года. "Признаем," пишет Кондрашов, "командно-административная система, идущая от Сталина и позаимствованная им от самодержавия, отнюдь не дает — какими бы ни были словесные заявки — большего приближения к народовластию, чем буржуазная демократия, и никак не меньше, чем капиталистическая собственность, отчуждает трудового человека от плодов его труда".

Метод Кондрашова, это метод буржуазных социологов, которые на основе некоторых формальных сходств между политическими структурами, утверждают равенство

режимов, которые имеют совершенно разное историческое происхождение и социальный базис. Этот метод часто используется антикоммунистическими академиками для утверждения, что Советский Союз, нацистская Германия и фашистская Италия в основном равны, потому что они все представляют формы тоталитаризма. Так они отрицают, что имущественные отношения и классовая структура СССР, вышедшие из пролетарской социалистической революции, совсем другие, чем при фашистских режимах, где имущественные отношения и классовая структура остались, в целом, капиталистическими.

Комментарий Кондрашова утверждает, что "коммандно-административная система" Сталина просто возродила промышленные отношения, существовавшие при царском самодержавии и не упоминает о революционном перевороте имущественных отношений. Это, циничная увертка, служащая бюрократической попытке преуменьшить значение имущественных отношений в определении сущности общества. Он говорит нам, что нет разницы между "коммандно-административной системой" и "капиталистической собственностью". Первая "отчуждает" человека не меньше, чем вторая. Этим намекается, что существование демократии важнее для человечества, чем преобладающие формы имущества. На основе этого понимания, он обобщает свой идеал:

"Возвышать общество и общественные силы, создать каналы для действенного выражения и защиты интересов общественных групп и поставить государство и правительство 'на место', в рамки закона, в равной степени определяющего не только обязанности, но и права гражданина, — эти наши важнейшие насущные задачи вполне можно выразить рейгановским образом народа, который, находясь у руля, управляет машиной правительства" (*Известия*, 19 января, 1989).

Это ничто иное, как идеализированная картина буржуазной демократии, как она представляется в голове мелко-буржуазного подхалима бюрократии. "Государство" и "правительство" существуют вне классов. "Закон" появляется неизвестно как, чтобы определить "права" и "обязанности." Он пишет с намеренной неопределенностью про "социальные группы," нуждающиеся в защите. А стоит сорвать риторику и проанализировать ее в контексте материальных интересов, ею артикулированных, то выходит, что сущность кондрашовской демократии, это защита частного имущества и права накапливать личное богатство. Кондрашов вовсе не случайно нашел в словах Рональда Рейгана наилучшее описание целей *перестройки*.

Несмотря на удобную риторику о демократии, бюрократия ревностно защищает свою монополию политической власти. Несмотря на позолоту *гласности*, силы

полицейско-государственного аппарата не уменьшаются. Следует только заметить, что со времени восхождения Горбачева, несмотря на официальную реабилитацию Старых Большевиков и несчитанных тысяч убитых при Сталине, ни один старый чиновник КГБ не был призван к ответственности за эти чудовищные преступления. Там, где проблемы демократии связаны с основными вопросами революционных принципов, сразу же обнажается реакционная неискренность демократических претензий демократии. Как мы уже заметили, недавнее изменение конституции СССР было сделано секретно. Одним из его более примечательных достижений, было установление новых ограничений на демократическое право советских национальных меньшинств на самоопределение. Зверское последствие заносчивого пренебрежения Кремля к правам советских национальностей уже реализовано в бессмысленном убийстве мирных граждан в Грузии. Советские войска, а не народ, все еще водят бронетранспортеры бюрократии. В тот день, когда танки громыхали по залитым кровью улицам Тбилиси, *Правда* нахально заявила в передовице, что протесты в Тбилиси не соответствуют интересам *перестройки*.

В отношении к советским национальностям, бюрократия громогласно провозглашает, что она защитит "конституционную основу государства" и предупреждает грузинских протестантов, что она использует новый декрет о преступлениях против государства, для наказания нелегальной националистической агитации. Но в отношениях с разрешенными действиями частных кооперативов, Горбачев меняет ежовые рукавицы на пуховые перчатки. В споре против вмешательства в деловые похождения кооперативов, он пишет, что официальное определение о том, что включено в разрешенные действия, должно быть основано на "принципе," что "все, что не воспрещается законом — разрешено" (Горбачев, *Перестройка, новое мышление*). Иначе говоря, бюрократия настраивает мелких капиталистов на использование любых лазеек, которые они изобретут, чтоб обойти ограничения на частное капиталистическое предпринимательство.

Еще один важный признак отношения бюрократии к демократическим правам, это ее стойкое сопротивление к организации новых политических партий. Медведев недавно повторил, что в *перестроечном* "новом понятии социализма" нет места для оппозиционных политических партий. Нужно подчеркнуть, что запрещения на оппозиционные политические действия, почти полностью направлены против потенциального развития революционных социалистических организаций внутри рабочего класса. Несчитанные правые и анти-коммунистические тенденции находят возможность безнаказанно работать внутри самой КПСС. Кроме того, развитие кооперативов даст официально-разрешенный форум

для артикуляции анти-социалистических политических позиций. Нельзя не заметить политические последствия более видной роли, предоставленной православной церкви со времени прихода Горбачева. Основная забота бюрократии, это предотвращение развития революционной социалистической оппозиции к КПСС внутри рабочего класса. В этом и есть настоящее значение продолжающегося сопротивления бюрократии к официальной реабилитации Троцкого.

Итак, "демократия" бюрократии в основном занята продвижением реакционной экономической программы *перестройки*. Фундаментальная политическая связь между прославлением буржуазной демократии и развитием капиталистического имущества в СССР было недавно разъяснена в статье, напечатанной в *Правде* 23 февраля 1989 года и претенциозно названной "Во имя человека - Размышления на берегу Женевского озера." В этой статье специальный корреспондент В. Большаков пишет:

"По новому мы смотрим теперь и на 'право владеть имуществом', закрепленное в статье 17 Всеобщей декларации прав человека. Сейчас, когда у нас развиваются кооперативы, арендный подряд и так далее, вряд ли кто станет расценивать защиту этого права исключительно как стремление Запада навязать социалистическим странам принцип защиты частной собственности. Да и совместные предприятия с капиталистическими фирмами без уважения права 'каждого человека владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими' не смогут работать нормально.

"Мы учимся демократии. Процесс этот, думаю, только политически инфантильные люди понимают как выучку Советского Союза у Запада. Мы используем опыт Запада, особенно в том, что касается защиты личных прав и свобод, а Запад заимствует наш опыт социальных завоеваний, которыми мы по праву гордимся. Иначе в мировом сообществе, где принцип равенства незыблем, а согласие, или, как говорят дипломаты, консенсус, жизненно необходим, никакие договоренности невозможны. Ведь речь идет об утверждении человеческого достоинства как высшей ценности на Земле. А это значит и человеческой жизни, будущего человечества."

Вряд ли надо комментировать эти слова, которые сами обнажают, до какой степени законченное буржуазное мировоззрение обосновалось внутри сталинской бюрократии. Это политический фактор решающего значения. В оценке политики Горбачева, важно не абстрактное определение, какая степень рыночных методов и форм частной собственности может быть допущена в долговременных интересах социалистического развития. Вполне допустимы ситуации, даже в передовой

империалистической стране, где после социалистической революции и взятия власти, пролетариат допустит выживание частного имущества в разных секторах хозяйства, - но не банков, транспорта, коммуникаций и основной промышленности, - даже на продленный период. В основе таких решений пролетарской диктатуры будет общее усиление социалистических тенденций внутри общества. Но не такие принципиальные соображения воодушевляют сталинский режим. Более пятидесяти лет назад, в *Преданной Революции* Троцкий предупреждал, что бюрократия "перестала давать какие либо субъективные гарантии о социалистическом направлении своей политики. Она продолжает защищать государственное имущество постольку, поскольку она боится пролетариата."

Теперь, в условиях ухудшающегося социального кризиса, результата ее собственной, десятилетиями длившейся хронической дезорганизации планового хозяйства, боязнь рабочего класса ведет все более широкие слои бюрократии в лагерь капиталистической реставрации. В СССР вопрос стоит не о том, до какой степени бюрократия допустит употребление рыночных средств в построении социализма, а о том разовьется ли анти-бюрократическая политическая революция достаточно скоро, чтобы возродить настоящую пролетарскую демократию и предотвратить уничтожение остатков социальных завоеваний Октябрьской Революции.

Программа Четвертого Интернационала теоретически обоснована в научном анализе Троцкого о сущности советского общества. Более пол-века назад, когда орды мелко-буржуазных демократов прославляли политику Сталина, Троцкий безжалостно обнажал претенциозные заявления бюрократии о достижении социализма. Ни один человек не осудил более страстно, чем Троцкий, предательство и унижение Октябрьской Революции сталинским режимом. Но он настаивал, и это остается позицией Четвертого Интернационала, что имущественные отношения основанные Октябрьской Революцией означают историческое завоевание человечества и возвещают об открытии новой эпохи в развитии цивилизации. Дорога вперед для советского пролетариата лежит только на основе защиты достижений Октября. Не разрушить национализированное имущество, а скорее, освободить его громадные созидательные силы от реакционных пут привилегированной бюрократии, вот в чем задача политической революции.

Советская внешняя политика: от Ленина к Горбачеву

Внешняя политика советского правительства, как и политика всех других режимов мира, органически вырастает из материальных интересов правящей социальной элиты, и поэтому является продолжением его внутренней политики. Во внешнеполитической сфере, фундаментальные интересы и исторические цели бюрократии находят свое наиболее сконцентрированное и яркое выражение. С этой объективной точки зрения, внешняя политика Михаила Горбачева неразрывно связана с программой капиталистической реставрации, проводимой сталинистской бюрократией под флагом *перестройки*. В то время, как бюрократия пытается систематически подрывать государственные имущественные отношения внутри Советского Союза, ее внешняя политика направлена на экономическую интеграцию Советского Союза в структуру мирового капитализма и его интернациональное разделение труда.

Лидеры Советского Союза давно отказались от перспективы мировой социалистической революции, которую провозгласили большевики в 1917 году. На самом деле, нету исторической и политической лжи более гротескной, чем заявления буржуазных журналистов и ученых, что внешняя политика СССР, хотя бы до Горбачева, основывалась на революционных принципах Ленина и партии большевиков. Возникновение бюрократии, как политически сознательной социальной тенденции враждебной советскому пролетариату нашло свое первоначальное выражение еще в 1924 году в отрицании необходимой связи, на которой всегда настаивал Ленин, между развитием социализма внутри СССР и победой интернационального пролетариата над мировым империализмом.

Партия большевиков видела в свержении буржуазного Временного правительства рабочим классом России, лишь первый залп мировой социалистической революции. Вожди большевистской партии были убеждены, что выживание Советского Союза, не говоря даже о построении социализма, зависело от расширения пролетарской революции за границы первого рабочего государства.

В первые годы после победы Октября, большевики призывали российский рабочий класс устоять против атак империалистов, пока пролетариат одной или некоторых крупных капиталистических стран Западной Европы свергнет свой собственный правящий класс. Такая победа не только покончила бы с физической изоляцией и капиталистическим окружением Советского Союза; она дала бы необходимую

материальную базу для преодоления наследия отсталости, унаследованного большевиками от царского прошлого.

Сначала большевики надеялись, что их победа в России будет быстро повторена в других европейских странах, особенно в Германии, где ненависть к империалистической войне порождала в массах революционные настроения. Но из-за отсутствия революционных партий, подобных той, которая существовала в России в 1917-м году, первая великая волна революционной борьбы в Германии и Венгрии была подавлена в начале 1919 года. В то самое время, когда разгорались эти первые революционные схватки, большевики уже направляли свои усилия на постройку Третьего (Коммунистического) Интернационала, учредительный конгресс которого был проведен в Москве в марте 1919 года.

Целью Коммунистического Интернационала было разработать стратегию и тактику мировой социалистической революции и воспитать интернациональный генеральный штаб, чтоб ее вести. Для большевистских вождей, судьба российской революции была неразрывно связана с развитием Коммунистического Интернационала и победой рабочего класса в основных центрах империализма в Западной Европе. Лев Троцкий, бывший тогда верховным главнокомандующим Красной Армией, писал по окончании Первого Конгресса Коммунистического Интернационала:

"Диктатура российского рабочего класса укоренится и разовьется в настоящее всестороннее социалистическое строительство только тогда, когда европейский рабочий класс освободит нас от экономического и особенно военного ига европейской буржуазии, и сбросив последнюю, придет нам на помощь со своей организацией и техникой. Одновременно, ведущая революционная роль перейдет к рабочему классу с большей экономической и организационной силой. Если центр Третьего Интернационала находится в Москве сегодня, — а в этом мы совершенно уверены, — то завтра этот центр шагнет на запад: в Берлин, в Париж, в Лондон. Как бы горячо не встречал российский пролетариат представителей мирового рабочего класса в стенах Кремля, он гораздо радостней пошлет своих представителей в одну из западноевропейских столиц. Мировой Коммунистический Конгресс в Берлине или Париже будет означать полный триумф пролетарской революции в Европе, а значит и по всему миру" (Leon Trotsky, *The First Five Years of the Communist International*, vol. 1, [London: New Park Publications, 1973], pp. 86-87).

Это интернационалистическое понимание воодушевляло все аспекты большевистской политики во время первых лет российской революции и было оспорено только после смерти Ленина в январе 1924 года. Но развитие термидорианской реакции против Октябрьской Революции, материально базирующейся на быстро растущей и все более могущей

бюрократии в аппарате правительства и партии, произвело резкое изменение в интернациональной политике Советского Союза.

Предложенная Сталиным и Бухариным осенью 1924 года, теория "социализма в отдельной стране" политически выражала тот факт, что защита бюрократией своих материальных привилегий внутри государственных границ СССР уже не совпадала с интересами международного рабочего класса, с его борьбой против мирового империализма. Для растущего числа советских бюрократов, ищущих социальные привилегии посреди поголовной нищеты, социализм в одной стране просто означал, как однажды объяснил Троцкий, "Не все для мировой революции, что-нибудь и для нас!"

Эта теория повела по пути резкого поворота в ориентации и целях советской дипломатии. Ее стратегическая ось стала в основном националистической: в разработке внешней политики, критерий защиты материальных привилегий бюрократии внутри гостраниц Советской России заменил интернациональный критерий борьбы за мировой социализм. Избежание империалистического вторжения в СССР стало основной целью советской дипломатии.

Новая ось советской внешней политики имела сокрушительные последствия на роль Коминтерна. Начиная с 1924 года, борьба бюрократии противлевой оппозиции внутри РКП(б) дополнялась всеобщей чисткой явных и потенциальных противников сталинистов внутри Коминтерна. Бюрократизация Коммунистического Интернационала постепенно превратила бывшую всемирную революционную партию в инструмент советской внешней политики. Вместо революционного свержения своих собственных национальных буржуазий, основной задачей секций Коммунистического Интернационала, переполненных теперь, назначенными сверху сталинистскими функционерами, стала защита СССР от империалистической интервенции. Практически это означало, что политическая линия секций Коминтерна определялась непосредственными нуждами советской дипломатии.

Когда Ленин был жив, советская внешняя политика не исключала, конечно, договоры и соглашения с империалистическими государствами. Но соглашения подписанные официальными представителями советского государства ни в чем не обязывали компартию той страны, с которой было заключено соглашение. Местные коммунистические партии оставляли за собой полную свободу революционных действий против национального правящего класса, независимо от договора подписанного их правительством и Советским Союзом. Наоборот, в тех странах, где компартия имела представителей в

национальном парламенте, от этих делегатов ожидали принципиального голоса против договора, как выражение революционной оппозиции их партии к режиму правящего класса.

Но это принципиальное отношение между тактической инициативой предпринятой советскими дипломатами для ослабления блокады СССР, и революционной политикой Коммунистического Интернационала закончилось с политическим подчинением последнего перед сталинистской бюрократией. Во время начальных этапов сталинизации Коминтерна во второй половине двадцатых годов, попытки бюрократии "нейтрализовать" империалистов принимали форму замены революционной политики оппортунистическими маневрами направленными на снискание союзников СССР из лагеря классового врага. В этом заключалась "стратегия" основания Англо-Русского Комитета в 1925-26 гг. и союз с Гоминданом Чан Кай Ши в 1926-27 гг. В первом случае, компартия Великобритании была вынуждена поддержать правых профсоюзных бюрократов, которые были разрекламированы, как "друзья" СССР. В Китае, молодая коммунистическая партия, стоявшая уже во главе тысяч рабочих, получила приказ подчиниться дисциплине буржуазного националистического лидера Чан Кай Ши, с которым заигрывал Сталин.

Союз с правыми бюрократами Совета Профсоюзов (Великобритании) привел к провалу британской генеральной забастовки в 1926 году; союз с Чан Кай Ши, как и предсказывал Троцкий, закончился поражением китайского пролетариата и фактическим уничтожением китайской компартии в 1927-28 гг. Оценивая причины поражений китайского и британского рабочих классов, Троцкий обнажил их политический источник в оппортунистической политике, неумолимо идущей от теории социализма в отдельной стране.

"Противоречия между СССР и капиталистическим миром фундаментальны. Маневрами их не избежать. Путем ясных и честно признанных концессий капиталу, употребляя противоречия между его разными секторами, можно продолжить передышку и выиграть время, но только при определенных исторических условиях, а не всегда и во всех ситуациях. Грубый самообман верить, что интернациональная буржуазия может быть 'нейтрализована' до построения социализма, то есть, что с помощью маневров можно преодолеть фундаментальные противоречия. Такой самообман может стоить жизни советской республике. Лишь интернациональная пролетарская революция освободит нас от этого фундаментального противоречия" (Leon Trotsky, *The Third International After Lenin* [New York: Pathfinder, 1972], p.137).

Попытки Сталина преодолеть сокрушительные последствия его оппортунистских маневров в Британии, Китае

и в других странах (включая Соединенные Штаты) массовой дозой ультра-левого авантюризма, прямо привели к победе нацистов над немецким рабочим классом в январе 1933 года. От прежних требований самых беспринципных объединений с реакционными бюрократами, мелко-буржуазными радикалами и буржуазными националистами, ультра-левая программа так называемого Третьего Периода, принятая в 1928 году на Шестом Конгрессе Коминтерна, переметнулась к декларации, что любая форма коллаборации, – даже для физической защиты рабочего класса от угрозы фашизма, – между компартиями и массовыми социал-демократическими организациями, недопустима. В Германии эта политика попросту расколола силы рабочего класса и позволила Гитлеру прийти к власти.

После германской катастрофы, внешняя политика советской бюрократии изменилась в еще более реакционную сторону. Перед лицом фашистского режима в Германии, ответственность за который лежала в основном на Сталине, советская бюрократия попыталась спасти свою шкуру, представив себя перед демократическими империалистами Западной Европы и Соединенных Штатов, как их надежный союзник в защите империалистического равновесия против амбиций Гитлера. В то время, как Советский Союз вступил в Лигу Наций (предшественницу ООН), Коминтерн на своем Седьмом конгрессе в 1935 году провозгласил, как свою стратегическую цель, не международное свержение капитализма, а защиту буржуазной демократии против фашизма. Программа классовой коллаборации формально заменила программу социальной революции. Секции Коммунистического Интернационала занялись организацией "антифашистских" Народных Фронт, – вместе с якобы "демократическими" крыльями буржуазии, – на основе защиты буржуазного имущества. Применение этой программы означало, что сталинистские партии сознательно и систематически подавляли борьбу пролетариата против национальной буржуазии. Взамен этих предательских одолжений, – по надежде сталинистов, – буржуазия якобы благосклонно ответит на дипломатические предложения бюрократии Советского Союза.

Принизив коммунистические партии до уровня придатков советской бюрократии, сталинистский режим смотрел на борьбу интернационального рабочего класса, как на разменную монету своей торговли с интернациональной буржуазией. Чтоб доказать свою преданность интернациональному капиталистическому строю, и так убедить британский и французский империализм вступить в союз с СССР, советская бюрократия приложила все усилия обеспечить поражение Испанской Революции между в период 1936–39 годов. Потерпев дипломатическую неудачу, Сталин, в августе 1939 года, подписал позорный Пакт с

Гитлером. Как часть этой сделки, немецкие коммунисты, сбежавшие в СССР, были переданы обратно Гитлеру.

В течении двух лет Сталин честно выполнял все пункты договора; коммунистические партии, – даже в странах захваченных армией Гитлера, – стояли против организации рабочего сопротивления фашистскому террору. Только после нацистского расторжения Пакта июньским нападением на СССР, Сталин наконец-то возродил дело "антифашизма." Сталинистские партии мгновенно перешли на сторону демократических империалистов соревнуясь с буржуазными партиями в их громогласном патриотическом пустословии. А в 1943 году Коммунистический Интернационал был официально распущен.

В конце Второй Мировой Войны советская бюрократия заключила соглашения с империалистическими союзниками о послевоенной организации Европы. Взамен за признание империалистами советской сферы влияния в Восточной Европе, Кремль согласился защитить власть капиталистов на Западе. В условиях, где буржуазия была политически дискредитирована и бессильна в Италии, Франции и Германии, сталинисты стояли против любых попыток взятия власти рабочим классом. Не сумев предотвратить гражданскую войну в Греции советская бюрократия отошла в сторону и позволила англо-американским империалистам подавить рабочий класс.

Несмотря на империалистическую пропаганду Холодной войны, внешняя политика советской бюрократии оставалась фундаментально контр-революционной и по окончании Второй Мировой Войны. Она не только рассматривала революционную борьбу интернационального рабочего класса противоречащей прагматическим нуждам ее дипломатических маневров с империалистами; сталинисты ужасно боялись политического и психологического влияния революционного восстания любой части международного пролетариата на советский рабочий класс. Итак, во всех условиях, советская бюрократия пыталась подавить независимую инициативу рабочего класса. Меры, принятые Кремлем в Восточной Европе доказывают, а не опровергают это утверждение. Даже, где стратегические интересы советской бюрократии вынудили ее пойти на экспроприацию буржуазии и национализацию продуктивных сил, – как вышло в Восточной Германии, Польше, Чехословакии и Венгрии, – сталинисты и там предупредили развитие настоящей социалистической революции. По всей Восточной Европе были созданы режимы с характером полицейских государств.

Теория мирного сосуществования, открытая советской бюрократией после смерти Сталина, была по существу продолжением программы социализма в одной стране, только немного измененной, чтобы учесть сферу влияния, предоставленную империалистами СССР в конце Второй

Мировой войны. Ось советской внешней политики была сконцентрирована на защите послевоенных соглашений.

Несмотря на существенно контр-революционный характер советской внешней политики, несмотря на субъективные желания бюрократии, коренной и фундаментальный антагонизм между империалистами и СССР все же оставался. Империализм никогда не смог и не сможет ужиться со свержением капиталистических имущественных отношений в бывшей царской империи. Как мировая система, империализм не может согласиться с собственным устранением от прямой эксплуатации человеческих и материальных ресурсов на одной шестой части поверхности Земли. Сколько бы договоров он ни подписывал с СССР, реставрация капитализма в Советском Союзе остается основной стратегической целью империализма.

Но сопротивляясь империалистической угрозе, советская бюрократия прежде всего занята защитой своих собственных привилегий. Изза революционного происхождения Советского Союза, эти привилегии всегда были связаны с формами собственности рожденными в Октябре 1917 года. Итак, поскольку бюрократия считала государственные имущественные отношения существующие в СССР, как необходимую материальную базу своих социальных привилегий, она была вынуждена защищать эти формы собственности против империалистических провокаций и нападений.

Но именно этот условный и ограниченный характер верности бюрократии к национализированному хозяйству, объясняет резкие изменения, происходящие в советской внешней политике при Горбачеве.

За последние три года Горбачев принял решительные меры способствовать частному владению продуктивными силами. Бюрократия все более открыто отождествляет свои интересы с развитием советских кооперативов организуемых по совершенно капиталистическому образцу. Итак, в той степени, что собственные привилегии бюрократии больше не зависят, а наоборот, враждебны формам государственного имущества, ее сношения с мировым империализмом должны соответственно и значительно измениться. Защита СССР от империалистической атаки остается, чем дальше, тем меньше, основной целью советской внешней политики; мобилизация империалистической поддержки, — политической и экономической, — для реализации внутренних целей *перестройки*, то есть, развитие капиталистических имущественных отношений внутри Советского Союза, становится этой целью. Итак, контр-революционная логика сталинистской теории социализма в одной стране находит свое конечное выражение в развитии внешней политики направленной на подрыв советского государственного имущества и возрождение капитализма внутри СССР.

Мы уже видели, как Горбачев и его коллеги пытались оправдать прокапиталистическую политику *перестройки* на основе "нового понятия социализма," которое идеологически легитимизирует частное имущество и прославляет буржуазную демократию. Также и в сфере внешней политики, изменения последних трех лет потребовали определенных идеологических поправок. Применение *перестройки* к внешней политике просто не увязывается со старым формальным словесным утверждением сталинистов о борьбе против империализма.

Основная обязанность разработать новую теоретическую основу советской внешней политики выпала на члена Политбюро Вадима Медведева, который взялся за эту работу с тем же бесстыжием, которое он проявил в своей трактовке имущественных форм и сущности государства. В своем интервью в *Коммунисте* Медведев попытался оправдать переход от революционной перспективы, на которой вначале основывалась советская внешняя политика, к нынешним целям Горбачева.

"В первые годы после Октября под влиянием общего революционного подъема в нашей политической и теоретической мысли преобладали представления о том, что вся планета стоит 'в преддверии всемирной пролетарской революции' (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 275). Ее развитие представлялось как распространение системы Советов по всему миру. В Манифесте Второго конгресса Коммунистического Интернационала говорилось, что Коминтерн 'есть партия революционного восстания мирового пролетариата'.

"Но уже в ноябре 1920 года Ленин приходит к выводу о невозможности решить исторический спор двух общественных систем революционным натиском. С выдвинутой им вскоре концепцией нэпа была неразрывно связана идея перенесения мирного сосуществования из сферы поначалу только политической в сферу 'фундаментальных законов эпохи'" (*Коммунист*, #17, 1988, стр. 8).

Согласно Медведеву, отказ Ленина от революционных концепций, направлявших его политическую жизнь более тридцати лет, пришел, как результат его внезапного осознания возможности долговременной и прочной экономической коллаборации между Советским Союзом и капиталистическими странами. "Ведь у Ленина эта полоса (мирное сосуществование) мыслилась как активное взаимоотношение двух систем — не только развитие торговли, но и создание концессий, смешанных обществ, введение конвертируемой валюты, совместное решение глобальных проблем того времени, например, интернационализации мировых путей сообщения" (там-же, стр. 9).

Медведевское представление "Эволюции" Ленина – чистейшая фальсификация. В ноябре 1920 года – в тот самый месяц, когда он якобы осознал безнадежность революции и поверил в мирное сосуществование, Ленин повторно и решительно говорил о непримиримом антагонизме между Советским Союзом и империализмом. Он особенно подчеркивал, что соглашения между СССР и империалистическими державами, – как например концессии данные капиталистическим фирмам, – не смягчали, а тем более не упраздняли воинственную враждебность между ними.

Обзор теоретической работы Ленина в ноябре 1920 года не показывает, что вождь Октябрьской Революции был занят пацифистским богоисканием. Наоборот, его работы не оставляют сомнений, что Ленин оставался таким же неисправимым стратегом мировой социалистической революции.

Третьего ноября 1920 года Ленин выступил на всероссийской конференции рабочих политпросвета. Его речь была посвящена разработке принципов, на которых основывалось просвещение пролетариата.

"Мы живем в исторический момент борьбы с мировой буржуазией, которая во много и много раз сильнее нас," объяснял Ленин. "Необходимо воспитать сознание, что нельзя, недопустимо стоять вне той борьбы пролетариата, которая сейчас все более и более захватывает все без исключения капиталистические страны мира, стоять в стороне от всей международной политики. Объединение всех могущественных стран мира против Советской России – в этом подлинная база настоящей международной политики" (там-же, том 41, стр. 400–401).

На следующий день, четвертого ноября, 1920 года, Ленин выделил время для письма членам Итальянской Социалистической Партии, в котором он убеждал их вести непримиримую борьбу против центристов типа Серрати, который сопротивлялся и подрывал революционную мобилизацию рабочего класса.

"Товарищи итальянские рабочие! Не забывайте урока истории всех революций, уроков России и Венгрии в 1917–1920 годах. Перед пролетариатом в Италии стоят величайшие битвы, величайшие трудности, величайшие жертвы. От исхода этих битв, от сплоченности, дисциплинированности, беззаветности рабочих масс зависит победа над буржуазией, переход власти к пролетариату, укрепление Советской республики в Италии....

"Трудящиеся и эксплуатируемые массы Италии пойдут за революционным пролетариатом. Победа будет, в конце концов, за ним, ибо его дело есть дело рабочих всего мира, ибо нет иного избавления от продолжения теперешних империалистических войн, от новых, уже подготовляемых,

империалистических войн, от ужасов капиталистического рабства и угнетения, кроме Советской, рабочей республики" (там-же, том 41, стр. 423).

6 ноября 1920 года, Ленин говорил на торжественном заседании Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, МК РКП(б) и МГСПС. Празднуя третью годовщину Октябрьской Революции, Ленин напомнил о перспективах, на которых основывалось свержение российской буржуазии. "Мы тогда знали, что наша победа будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию" (там-же, том 42, стр. 1).

Наслаждаясь великими победами завоеванными российским пролетариатом, Ленин предостерег: "Мы победили потому, что сумели удержаться против государств, которые сильнее нас и притом объединившихся с нашими эмигрировавшими эксплуататорами – помещиками и капиталистами. Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах, – и в том числе в самых богатых и цивилизованных, – не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы или, может быть, меньше" (там-же, том 42, стр. 3).

Немногом более двух недель спустя, 21 ноября 1920 года, Ленин выступил на московской губернской конференции РКП(б) с речью оглавленной "Внешнее и внутреннее положение и задачи партии." В своей речи он сделал обзор достижений Октябрьской Революции и вновь настаивал на неразрывной связи между будущим Советской России и мировой революцией. "Для того, чтобы добиться того чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах" (там-же, том 42, стр. 20).

Ленин признал, что скорая победа западноевропейского пролетариата, которую ожидали большевики после Октябрьской Революции, не произошла; но он объяснил, что российский пролетариат смог удержаться против контрреволюции изза глубоких противоречий между империалистическими державами и изза их внутренних проблем. Завоевав передышку от прямой военной атаки империалистов, Советская Россия могла развивать торговые отношения с ее враждующими врагами, умело используя интер-империалистическое соперничество в пользу своего промышленного развития.

26 ноября 1920 года, на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б), Ленин в частности атаковал мысль, что развитие хозяйственных отношений между Советской Россией и империалистическими странами

означает уменьшение классовых антагонизмов. "Концессии – это не мир, это тоже война, только в другой форме, более нам выгодной. Прежде война велась при помощи танков, пушек и т. п., которые мешали нам работать, теперь война пойдет на фронте хозяйственном" (там-же, том 42, стр. 45).

В своей речи на собрании актива московской организации РКП(б), 6 декабря 1920 года, Ленин пространно объяснил о значении хозяйственных отношений, которые Советская Россия надеялась установить с империалистами. Он ясно объяснил фундаментальные соображения, являющиеся подоплекой предложения концессий империалистам:

"Основным в вопросе о концессиях, с точки зрения политических соображений, – а здесь есть соображения политические и экономические, – основным в вопросе о концессиях, с точки зрения соображений политических, является то правило, которое мы себе не только теоретически усвоили, но и практически применяли, и которое для нас надолго, до окончательной победы социализма во всем мире, явится правилом основным, а именно: надо использовать противоположности и противоречия между двумя империализмами, между двумя группами капиталистических государств, натравливая их друг на друга. Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами" (там-же, том 42, стр. 56).

Недовольный "плохим репортажем" в *Правде* о своих объяснениях 26 ноября про значение экономических сношений с империалистами, Ленин вновь подчеркнул, что торговля и концессии не означают мирное сосуществование между Советской Россией и империализмом:

"Но, конечно, было бы величайшей ошибкой думать, что концессии означают мир. Ничего подобного. Концессии – это не что иное, как новая форма войны. Европа воевала с нами, и теперь война переходит в новую плоскость....

"Экономически для нас от концессий гигантская польза. Конечно, создавая поселки, они принесут с собой капиталистические привычки, будут разлагать крестьянство. Но надо следить, надо шаг за шагом противопоставлять свое коммунистическое воздействие. Это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств – коммунистического и капиталистического....

"Это будет война, во время которой тоже нельзя делать ни малейшей уступки. Эта война выгодна для нас во всех отношениях, выгоден и переход от старой войны к этой новой, не говоря уже о том, что имеется некоторая косвенная гарантия мира. Я говорил на том собрании, о котором так неудачно передано в 'Правде', что мы сейчас перешли от

войны к миру, но мы не забыли, что вернется опять война. Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут: либо тот либо другой в конце концов победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо – по мировому капитализму" (там-же, т. 42, стр. 74-76).

Ленин снова вернулся к этому вопросу 21 декабря 1920 года в своем репорте о торговых концессиях на фракции РКП(б) на Восьмом Съезде Советов. Он объяснил, что концессии были необходимы для усиления Советской России в подготовке к следующему этапу военного нападения империалистов: "Нам надо ловить момент и все силы направить на то, чтобы ценой хотя бы максимальных уступок добиться торговых сношений, ибо в прочные торговые сношения с империалистическими державами мы ни на секунду не верим: это будет временный перерыв. Опыт истории революций, крупных конфликтов учит тому, что войны, ряд войн неизбежен. Такой же вопрос, как существование Советской республики рядом с капиталистическими странами, – Советская республика, окруженная капиталистическими странами, – это такая недопустимая вещь для капитализма, что они ухватятся за всякую возможность возобновления войны" (там-же, т. 42, стр. 101).

Можно процитировать намного больше ссылок опровергающих господина Медведева. Но это совсем не надобно. Вдумчивому и честному читателю уже ясно, что понятие "мирного сосуществования" не имеет ничего общего с учением Ленина.

Глава пятая

Капиталистическая реставрация или политическая революция: куда идет СССР?

В утверждении Вадима Медведева, что Ленин основал теорию мирного сосуществования, нет ничего нового. Сталинисты более пол-века поддерживали эту историческую фикцию. Медведев идет еще дальше и обвиняет предшественников Горбачева в неумении применять эту теорию достаточно последовательно. Он утверждает, что мысль Ленина о мирном сосуществовании была "искажена" Сталиным, Хрущевым и Брежневым.

"Однако последовавшая деформация отразилась и на конкретном наполнении идеи мирного сосуществования. Оно было сведено к стремлению оттянуть считавшуюся

практически неизбежной войну с капиталистическим миром.

... "Даже и после 1956 года, когда был осужден целый ряд сталинских концепций, провозглашена новая фаза во взаимоотношениях внутри самого социалистического мира и в его связях с миром капитализма, отброшена идея фатальной неизбежности войны – даже и тогда преобладающим было представление о том, что мирное сосуществование исторически кратковременно" (там-же, стр. 9).

Советское правительство отсеклось от этой ограниченной концепции мирного сосуществования. Сейчас, оно рассматривается, как "долговременный процесс, окончание которого трудно определить." Медведев пытается оправдать эту оценку бесконечного потенциала мирного сосуществования ссылками на "значительные изменения" в сущности современного капитализма.

"Капитализм сумел перенести потери, связанные с образованием мировой системы социализма. Он выдержал распад колониальной системы, компенсировав ее различными формами неоколониальной зависимости, встроил в свои мирохозяйственные связи большинство освободившихся стран. Монополистический капитализм существует уже около века. Он перерос в государственно-монополистический, приобрел еще более выраженные транснациональные черты. Он нашел достаточные ресурсы для развертывания научно-технической революции" (там-же, стр. 9–10).

Возможно член Политбюро ответственный за идеологию будет удивлен узнав, что его открытие не так уж оригинально, как он себе представляет. Более 90 лет назад известный основоположник ревизионизма Эдуард Бернштейн (1850–1932), выдвинул свои открытия в своем "классически" анти-марксистском *Эволюционном Социализме*. Читатели заинтересованные в идеологических корнях распространений Медведева о приспособляемости капитализма приглашены обратиться к этой работе. Там они найдут обозрения Бернштейна о якобы положительных эффектах развития технологии и интернационального согласования производства международными кортежами. Основываясь на исследованиях немецкого буржуазного экономиста Шульце-Гаверница (1864–1943), Бернштейн спорил, что классовые антагонизмы уменьшатся по мере того, как капитализм видоизменится путем постепенных реформ в более доброе и мягкое общество.

Если мистер Медведев обратится к сотрудникам московского Института Маркса-Энгельса-Ленина, они направят его к относящимся к делу работам Георгия Плеханова, не говоря уже о В. И. Ленине или Розе Люксембург, в которых эффективно опровергаются эти устаревшие ревизионистские банальности. Но теоретическое

опровержение Бернштейна было уже давно превзойдено конкретным историческим опровержением его прогнозов. Войны, революции, депрессии и фашизм двадцатого века ответили на утопические догадки Бернштейна гораздо более эффективно, чем любой марксистский теоретик.

В отношении Бернштейна, можно понять, как социальные и политические условия конца двадцатого века, – триумфальный апогей буржуазной цивилизации, когда условия жизни западноевропейского пролетариата чувствительно улучшались, – дали значительный эмпирический повод для развития ошибочных реформистских концепций. В то время анти-марксисты, которые заявляли, что капитализм "научился уменьшать классовые антагонизмы" имели на уме определенную программу: социальный реформизм. Но кризис мирового капитализма уничтожил жизнеспособность этой программы. Концессии, которые раньше давала буржуазия в интересах "классового мира", она теперь забирает обратно. Уровни зарплаты и жизни пролетариата продолжают резко падать. Число членов профсоюзов в Соединенных Штатах и в Европе также резко уменьшается. Европейская и американская буржуазия приступила к открытому штрейкбрехерству на уровне не виданном с конца Второй Мировой Войны. Если Медведев сегодня говорит о смятении классовых противоречий, то это показывает, что он не только неоригинален и незнаком с уроками истории, но также и слеп по отношению к самым ярким чертам современного капиталистического общества.

Медведев просто заявил, что "Капитализм сумел перенести потери связанные с образованием мировой системы социализма. Он выдержал распад колониальной системы...." (там-же стр. 9). Он не упомянул, а тем более, не объяснил, что сталинские предательства были решающими подпорками этого выживания. Это один аспект сталинизма, о котором не распространяются все политические наследники Сталина в советской бюрократии. Но ни выживание капитализма, как мировой системы, ни эволюция СССР, не могут быть объяснены отдельно от предательства международного пролетариата, являющегося последствием националистической перспективы социализма в одной стране.

Обобщая значение *перестройки* для советской внешней политики, Медведев провозгласил мирное сосуществование, как всеобщий и вечный принцип, стоящий над классовой борьбой.

"Есть все основания для утверждения, что устарело представление, будто социализм и капитализм могут развиваться изолированно друг от друга, как бы параллельно – обе системы неизбежно взаимодействуют в рамках одной человеческой цивилизации. В сущности, это отвечает принципам диалектики, предполагающей не только борьбу противоположностей, но и их единство, которое находит свое

выражение в нынешнем противоречивом, но все более взаимосвязанном мире" (там-же, стр. 10).

Мы предполагаем, что социализм и капитализм всегда были частями той же самой человеческой цивилизации; неясно, почему этот жизненный факт дан причиной, что они "и далее" не могут развиваться отдельно. Помимо этого ужасного абсурда, Медведев предлагает не диалектику, а софистику, так как "союз противоположностей", — т.е. социализм и капитализм, пролетариат и буржуазия, — провозглашается оправданием отречения от исторических законов классовой борьбы. Медведев, как и все официальные "идеологи" Кремля, употребляет псевдо-марксистскую фразеологию, только как ширму самого гротескного обесценивания марксистских научных идей. В этом случае, диалектика, — которую Герцен назвал алгеброй революции, — фальсифицирована в интересах мелких реформистских расчетов.

Противоречие, сущность внутреннего движения и развития всех явлений, изображается марксистами, как единство, конфликт, взаимное проникновение и трансформация противоположностей. Это не изолированные и разные этапы взаимодействия между разными явлениями, как предлагает формальная логика, — т.е. сначала "союз," потом "конфликт," потом "взаимное проникновение," и наконец "трансформация," — а составляют в своем взаимосвязанном целом сущность всех моментов в существовании каждого явления. Исследуя все феномены объективного мира, диалектическое познание не противопоставляет "союз противоположностей" "конфликту противоположностей," так как такая дифференциация является чисто метафизической.

Само выражение "единство противоположностей", подразумевает теоретическое признание, что каждый феномен состоит из различных элементов, которые находятся в состоянии взаимного антагонистического зависия. Марксизм, как метод научного анализа, пытается открыть эти сложные связи, составляющие основную сущность всех явлений природы, общества и сознания.

Ленин объяснил объективное значение этих теоретических понятий, когда он писал, что ссылка на единство противоположностей выражает "признание (открытие) противоречивых *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их 'самодвижении', в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть 'борьба' противоположностей" (том 29, стр 317). Ленин также писал: "Раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть (одна из 'сущностей', одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики" (там-же, стр. 316).

Исторический материализм, являющийся применением диалектики к изучению общественного развития, научно объяснил, как "единство" капиталиста и рабочего в процессе

производства является объективным базисом классовой борьбы. Реформизм, по своей натуре являющийся полностью враждебным диалектике, из "единства" этих двух классовых противоположностей выводит "тождество" интересов! Медведев, следуя тому же самому рецепту, провозглашает, что взаимная связь между Советским Союзом и Соединенными Штатами и другими капиталистическими странами "одной человеческой цивилизации," отрицает основное и непримиримое противоречие между мировым империализмом и первым рабочим государством.

Идея, что основное содержание отношений между империализмом и Советским Союзом определяется субъективными отношениями политических лидеров разных государств, — т.е. их желанием или враждебностью к "кооперации" и к "миру", — игнорирует гораздо более фундаментальные объективные экономические факторы. С точки зрения своих теоретических подоплек, этот субъективный и фундаментально реакционный подход основан на таких же метафизических концепциях, которые направляли политику советской бюрократии с тех пор, как Сталин и Бухарин впервые предложили перспективу построения социализма в отдельной стране.

Сталинистская концепция самостоятельного национального социализма отрицает существование единого мирового хозяйства. Взамен, она ставит два независимых экономических блока, капиталистический и социалистический, каждый, развивающийся отдельно, согласно своим собственным законам. Это понятие не исключает разных форм экономических связей и сотрудничества. Наоборот, даже до Горбачева было много случаев, особенно при Брежневле, когда СССР вполне агрессивно преследовал торговые связи. Но подход к этим отношениям всегда был таким, будто экономическое взаимодействие между капиталистическим рынком и Советским Союзом было просто вопросом внешних связей между двумя, в основном отдельными хозяйственными объединениями.

Настоящая объективная подоплека взаимосвязи между Советским Союзом и капиталистическими странами, не абстрактно определенная "человеческая цивилизация," а мировое хозяйство и международный раздел труда, характер которого в основном, все еще определяется капиталистическим способом производства. Этот громадный и сложный механизм не признает никакой непроницаемой Китайской Стены между капиталистическим и "социалистическим" миром. В действительности, все искажения внутри советского хозяйства отражают тяжелое давление на него, со стороны капиталистического мирового рынка. Замкнутый характер советского хозяйства является выражением не социалистических принципов, а гораздо

более низкого уровня производительности труда. Кроме нескольких, весьма специализированных областей, товары произведенные в СССР не пройдут на мировом рынке. И наоборот, без особых государственных форм протекции, советская промышленность была бы уничтожена навалом дешевых промтоваров, произведенных в капиталистических странах.

Кризис советского хозяйства, - выраженный отсталостью сельского хозяйства, дефицитом предметов первой надобности, серьезным отставанием в технологии микросхем и компьютеров, - дискредитировал сталинистскую концепцию национальной самостоятельности. Горбачев и его коллеги вынуждены согласиться с необходимостью расширить экономические отношения между СССР и капиталистическими странами, чтобы получить доступ к ресурсам мирового рынка. Но кремлевские бюрократы пытаются скрыть от советского рабочего класса все резкие экономические последствия их действий, поддерживая старую сталинистскую фикцию двух отдельных и внутренне независимых экономических союзов. Так Медведев утверждает, что хозяйственные отношения с капиталистическим блоком не повлияют существенно на "социалистическую" программу СССР. Он заверяет читателей *Коммуниста*:

"Конечно, речь не может идти о конвергенции двух систем, об их слиянии; каждая из них продолжает развиваться по своим законам. Более того, идет процесс их соревнования, но в условиях сотрудничества, взаимопроверки ценностей, способности решать не только собственные проблемы, но во все большей мере и проблемы общечеловеческие, глобальные, которые с небывалой остротой стоят ныне перед мировой цивилизацией" (там-же, стр. 10).

Нам не стоит строить догадки, в какой мере заметки Медведева отражают экономическое невежество, а в какой, политическое вранье; с научной точки зрения, они ничемны. Рассматривая положение СССР в мировом хозяйстве, ключевой вопрос стоит в том, как Советский Союз вырвется из экономической изоляции, навязанной на него мировым капиталистическим рынком. Есть только два возможных метода: заключение революционного союза с интернациональным пролетариатом в борьбе против мирового империализма, или интеграция СССР в существующие экономические структуры мирового капитализма. Первая дорога является путем к мировой социалистической революции; вторая ведет к капиталистической реставрации в СССР. Горбачев идет по второму пути.

Лишь самые нечестные и слабоумные адвокаты кремлевских бюрократов могут заявлять, что шаги Горбачева к тесным экономическим связям с империализмом не

повлияют на советские имущественные отношения. Уже принятые в закон меры, фактически уничтожили монополию внешней торговли и основали законный базис для прямых экономических связей между империалистическими концернами и частными кооперативами в СССР.

Начиная с 1 января 1989 года, все советские предприятия, объединения и производственные кооперативы получили право заниматься прямыми экспортными и импортными действиями. Согласно тексту резолюции Совета Министров, опубликованному в декабре прошлого года в *Известиях*, "Предприятия, объединения, производственные кооперативы и иные организации могут осуществлять экспортно-импортные операции непосредственно, создавая для этого при необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы, или на договорной основе через другие внешнеэкономические организации, руководствуясь при этом достижениями наилучших условий экспорта и импорта, валютной самокупаемости и самофинансирования и исходя из того, что государство по их обязательствам не отвечает." (*Известия*, 10 декабря 1988 г.).

Составляются законопроекты создать специальные экономические зоны, подобные китайским, в которых хозяйство будет строится на рельсах капитализма. *Wall Street Journal* недавно писал, что эти законы разрешат стопроцентное частное владение предприятий в экономических зонах. Одна из зон будет находиться к северу от Ленинграда, вблизи от финской границы.

Создание новой инфраструктуры в этих зонах, - дорог, жилья, телекоммуникаций, и.т.д., - будет доверено корпорациям развития организованным на капиталистической основе с участием империалистических пайщиков. Далее, чтобы гарантировать репатриацию прибылей в твердой валюте, Абель Аганбегян, один из главных экономических советников Горбачева, убеждает о создании второй, полностью конвертируемой советской валюты - подкрепленной национальными запасами золота и инвалюты. Итак, цена неконвертируемых заработков рабочих быстро упадет к нулю, а новый класс советских предпринимателей займет настоящую конвертируемую валюту, которая их прямо свяжет с мировым капиталистическим рынком и с интернациональной буржуазией. Как сказал Дмитрий А. Бесурников, член советской государственной комиссии внешней торговли в интервью в *Wall Street Journal*, "Мы хотим, чтобы наши бизнесмены говорили на том же языке, что и ваши."

Отличительные черты новой советской внешней политики, это безусловное отречение от интернационального социализма, как долгосрочной цели советской политики, отречение от какой-либо политической солидарности между Советским Союзом и анти-империалистической борьбой во

всем мире, и открытым отклонением от классовой борьбы, как важного фактора в формулировании внешней политики. Изменения в советской внешней политике неразрывно связаны с продолжающейся интеграцией хозяйства в структуру мирового капитализма. Для экономических целей Кремля, необходимо, чтобы Советский Союз решительно и безусловно отказался от остатков связи между своей внешней политикой и классовой борьбой и анти-империализмом в любой форме. Для этого, в декабре прошлого года Горбачев выбрал ООН, как форум своей декларации, что Октябрьская Революция 1917 года, как и Французская Революция 1789 года не имеют значения в нынешнем мире.

В советской прессе регулярно появляются статьи, критикующие внешнюю политику прежних лидеров Кремля не за то, что она предавала интересы международного пролетариата, а наоборот, за то, что она была, мол, слишком враждебной по отношению к Соединенным Штатам. В той степени, что советская внешняя политика отражала антагонизм к империализму, она теперь высмеивается, как форма политического безумия. Начало Холодной Войны теперь приписывается не к империалистической агрессии, а к приверженности СССР к догматической анти-капиталистической идеологии. Статья А. В. Козырева, заместителя председателя Администрации Интернациональных Организаций МИДа, это типичный пример *перестройки* во внешней политике:

"Преследуя логику анти-империалистической борьбы, мы были вовлечены, - против интересов нашей Родины, - в гонку вооружений, и помогли установить технологические и культурные барьеры между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Дела, к тому же, были затруднены 'принципиальными' вопросами, на которые необходимо сразу же ответить" (*Pravda International*, vol. 3, #3).

Далее Козырев настаивает, что СССР должна отказаться от старомодных идей насчет империалистического милитаризма.

"Если посмотреть на американскую монопольную буржуазию вообще, очень немногие из ее группировок, и ни одна из важнейших, не связаны с милитаризмом. Нет никакой причины, например, и дальше говорить о военной борьбе за рынки или сырье, или о разделе или переделе мира" (там-же).

Это вероятно значит, что работа Ленина *Империализм, высшая стадия капитализма* должна быть выброшена на свалку! Нельзя не заметить, что козыревская вера в мирную сущность современного капитализма началась в то время, когда интер-империалистическая борьба за рынки и сырьевые ресурсы достигла наивысшей степени со времени конца Второй Мировой Войны. Раскол мирового хозяйства на гигантские враждующие торговые блоки, - Северная

Америка, Западная Европа, Восточная Азия, - этот экономический феномен беспокоит многих буржуазных экономистов. И хотя бюрократы в Кремле считают, что мнение Ленина об империализме неуместно, серьезные буржуазные экономисты изучают его работу с повышенным уважением и гадают, или сбудутся его революционные предсказания.

В недавно опубликованной книге Роберта Гилпина, известного Профессора Международных Отношений в Принстонском Университете, прямо поставлена дилемма стоящая перед мировым капитализмом: "Все более взаимосвязанное мировое хозяйство требует международного согласия формулировать и осуществлять правила открытого рыночного хозяйства и способствовать урегулированию разногласий или высокой степени координации мер между капиталистическими государствами. Без того или другого, рыночное хозяйство будет склоняться к расколу и к резким национальным конфликтам о торговле, денежным соглашениям и внутренней политике. По мере того, как уменьшилась сила, возможность и воля Америки управлять мировой экономикой, эта проблема стала преобладающей в мировом хозяйстве. Если не произойдет усиления координации мер, или уменьшения экономической зависимости между ведущими капиталистическими хозяйствами, то система может и вправду расколоться на враждующие государства, как и предсказывал Ленин. Долговременное выживание капиталистической или интернациональной рыночной системы, в той форме, в которой она существует с конца Второй Мировой Войны, остается под вопросом." (*The Political Economy of International Relations*, [Princeton, Princeton University Press], pp. 63-64).

Еще одна вредная ошибка, по мнению Козырева, это мысль, что проблемы СССР как либо связаны с существованием мирового империализма.

"Ни один из классов или страт советского общества не стоит под влиянием эксплуатации внешним капиталом, так ни один из них не может разрешить свои основные проблемы путем 'борьбы с империализмом'" (там-же).

В этом заявлении есть нечто большее, чем тупое повторение старого сталинского утверждения, о котором мы уже говорили, что советское хозяйство развивается независимо от мирового капиталистического рынка. В контексте экономической политики режима Горбачева, замечание Козырева должно служить предупреждением советским рабочим, которые при росте интернационального капитала внутри СССР будут все более испытывать на себе империалистическую эксплуатацию.

Далее Козырев высмеивает устаревшую мысль, что существуют непримиримые классовые антагонизмы: "Тем более странны разговоры о непримиримых интересах государств с разными социальными системами, теперь, когда даже классовые конфликты внутри капиталистических стран, в основном разрешаются путем компромиссов в обоюдном приемлемых законных рамках, а не в форме жестких конфронтаций. Из этого следует, что солидарность советских рабочих со своими классовыми братьями на Западе не оправдывает теорию мировой классовой борьбы" (там-же).

Козырев отрицает существование империалистических антагонизмов в тот самый момент, когда они поднялись на беспрецедентный послевоенный уровень; он провозглашает конец классовой борьбы в конце десятилетия, которое характерно жестоким международным наступлением капитала против рабочих. 80-е годы давали в Соединенных Штатах такие великолепные примеры "достижений компромисса в обоюдно приемлемых законных рамках," как уничтожение Профсоюза Контролеров Воздушного Движения в 1981 году, употребление штатской полиции и Национальной Гвардии для уничтожения профсоюзов медных горняков в Аризоне и мясников в Миннесоте, наем штрейкбрехеров для разгрома профсоюзов в других бесчисленных схватках. В 1984-85 годах, в Великобритании произошла самая длительная в истории этой страны национальная стачка шахтеров, в течении которой, рабочие сражались с тысячами полицейских на протяжении долгих недель. Недавний опыт фактически каждой капиталистической страны дает примеры жестокой классовой конфронтации.

Видимая слепота Козырева по отношению к социальной реалии есть не что иное, как его личная манифестация того же самого мелко-буржуазного мировоззрения, которое одушевляет орды журналистов нанятых капиталистической прессой. Хотя и стоя каждодневно перед картиной социальной нищеты, разврата и дегенерации, они могут беспечно писать об "обновлении" Америки при Регане!

Козырев употребляет самую ядовитую желчь в своем призыве к полному отречению от даже формально устного признания анти-империалистической борьбы отсталых стран.

"Миф, что классовые интересы социалистических и развивающихся стран совпадают в борьбе против империализма, вовсе не устывает критики. Большинство развивающихся стран уже стоят на или приближаются к западной модели развития; они страдают не от капитализма, а от его нехватки. Они заинтересованы не в борьбе против прежних метрополий, а в сотрудничестве в защиту своей собственной международной стабильности, на которую и нужно нацелить наше сотрудничество с 'Третьим Миром'" (там-же).

Это замечание метит оправдать отречение Кремля от даже чисто обрядной связи с борьбой угнетенных наций против империализма. Советский Союз активно ищет установления дипломатических отношений с Израилем и Южной Африкой. В отношении к последней, Советский Союз сыграл решительную роль в приостановке исключения страны апартеида из Интернационального Агенства Ядерной Энергии. Ходят слухи, что хотя Советский Союз на словах поддерживает экономические санкции ООН против Южной

Африки, он на деле координирует с ней свои действия по сбыту золота и алмазов.

Империалисты внимательно наблюдают развитие политики Горбачева и не скрывают свой энтузиазм по отношению к *перестройке*. *Financial Times*, авторитетный голос британского империализма заметила после того, как Горбачев укрепил свою позицию в Политбюро в конце 1988 года: "Почти все на Западе желают удачи Горбачеву и поэтому успокоены тем, что он вроде бы победил в последней кремлевской стычке за власть." Авторитетное Письмо редактору *New York Times* прямо заявило в том же духе: "С точки зрения национальных интересов Америки, самое очевидное это то, что нужно прилагать все усилия для укрепления М. С. Горбачева у власти... С нашей точки зрения, мы не можем желать лучшего Генерального Секретаря, чем мистер Горбачев." А Джордж Буш выразился на прошлой неделе: "Мистер Горбачев, не тормозите!"

Отношение империализма к Горбачеву определяется не поверхностными "демократическими" аспектами *гласности*, которые так легко очаровывают его многочисленных мелко-буржуазных поклонников. Буржуазия занята более весомыми заботами. В прошлом январе *Правда* репортировала о совещании между Горбачевым и Трехсторонней Комиссией, организацией составленной из самых сильных политических и экономических представителей американского, европейского и японского империализмов. В дискуссии участвовали среди других, Давид Рокфеллер из Чейс Мэнхэттен Бэнк, бывший Президент Франции Жиска д'Эстен, бывший Президент Японии Й. Накаоне и бывший Государственный Секретарь США Генри Киссинджер. Согласно *Правде*, "Главное, на чем сходилась интерес собеседников М. С. Горбачева, - как он оценивает возможности перестройки и каковы сроки такой реализации ее идей, когда можно будет ставить вопрос об органическом включении советской экономики в мировую."

В конце конференции, выслушав ответы Горбачева, "Д. Рокфеллер от имени своих коллег заявил, что беседа была исключительно интересной, полезной и обнадеживающей по своим потенциальным последствиям." (*Правда*, 19 января, 1989 г.)

Если бы будущее Советского Союза определялось исключительно политическими и экономическими целями бюрократии в ее отношениях с мировым империализмом, нет сомнений, что надежды Трехсторонней Комиссии были бы вполне оправданы. Полная интеграция Советского Союза в структуру мирового капиталистического рынка была бы осуществлена на основе полного уничтожения планового хозяйства и социальных завоеваний Октябрьской Революции. Капитализм был бы реставрирован в СССР.

Но помимо планов и эгоизма бюрократов, еще существует советский рабочий класс, который представляет

сегодня социальную силу с трудно представляемым революционным потенциалом. В 17 году, трехмиллионный пролетариат России смог провести величайшую социальную трансформацию в истории мира. Сегодня, этот 150-ти миллионный класс сконцентрирован в величайших индустриальных комплексах в мире. По мере того, как контр-революционное значение политики Горбачева становится более ясным, советский рабочий класс несомненно мобилизует свои миллионы для защиты своей революции. Мирная интеграция Советского Союза в структуру мирового капитализма невообразима.

Кроме того, борьба советского рабочего класса сегодня развивается в контексте величайшего кризиса мирового капитализма с конца Второй Мировой Войны. Все международные институты, на которых основывался послевоенный эквилибриум и расширение капитализма, теперь крушатся. Крутой упадок в мировой позиции Соединенных Штатов, ее потеря своей, прежде неоспариваемой, экономической гегемонии, уничтожает основной стабилизирующий фактор в отношениях между империалистическими государствами. Итак, основное противоречие между мировым хозяйством и национально-государственной системой снова принимает взрывной характер.

Попытки советской бюрократии защитить свои привилегии и даже развить новые формы собственности путем союза с империализмом и интеграции СССР в структуру мирового капиталистического хозяйства, приводят к более тесному вовлечению Советского Союза в круговорот кризиса мирового капитализма. В то же самое время эти действия подрывают барьеры между советским пролетариатом и его международными классовыми братьями и усиливают объективную базу для общих революционных действий против империализма и его сталинистских агенств.

"Или бюрократия сожрет рабочее государство, или рабочий класс выметет бюрократов? Так поставлен вопрос, от ответа на который зависит судьба Советского Союза." Нам не нужно долго ждать, прежде чем ответ на этот вопрос, поставленный Львом Троцким пятьдесят три года назад, будет решительно отвечен. Грубые наброски этого ответа уже возникают на площади Тянаньмен в Пекине, где сотни тысяч студентов и рабочих восстают против предательства Китайской Революции сталинистской бюрократией. Великие события происходящие сегодня в Китае, предвещают будущую политическую революцию в СССР.

История - величайший насмешник. Не скрывая своего восхищения про-капиталистической политикой китайских бюрократов, Горбачев прибыл в Пекин как раз вовремя, и стал свидетелем начала революции, вызванной той же

программой, которую он копирует в СССР. Сегодня - площадь Тянаньмен; завтра - Красная Площадь!

Глубокие трещины внутри советской бюрократии, выраженные недавними выборами, подготавливают почву для вступления рабочего класса в активную независимую политическую жизнь. Не впервые в истории, массы приступают к революционной борьбе сквозь трещины открытые внутренними расколами правящих кругов. Когда советский рабочий класс шагнет своими миллионами, жалкий и незначительный характер горбачевских мизерных доз официально разрешенной "демократии" станет быстро раскрыт. Настоящая конфронтация между советскими массами и сталинистской бюрократией еще впереди.

Когда эта стычка придет, победа советского пролетариата будет зависеть от развития сознательного революционного руководства, которое, полностью усвоив уроки долгой борьбы Льва Троцкого и Четвертого Интернационала против сталинистской бюрократии, станет полностью независимым от всех клик бюрократии.

Вот платформа, на основе которой настоящие троцкисты Интернационального Комитета стремятся построить Советскую Секцию Четвертого Интернационала.

Заключение
Советские шахтеры бросают вызов
Горбачеву
Заявление Политического Комитета Рабочей Лиги
(США)
20 июля 1989 г.

1 Массовое стачечное движение шахтеров в Советском Союзе, величайшая волна забастовок за всю эпоху со времени консолидации сталинистского правления в двадцатые годы, является исторической вехой для мирового рабочего класса. Советский рабочий класс открыто бросает вызов силе и привилегиям бюрократической касты, которая узурпировала власть пролетариата, убила большевистских вождей Октябрьской Революции, и с тех пор все больше служила основным агенством контр-революции внутри международного рабочего движения.

Забастовка сотен тысяч шахтеров, это восстание не против коммунизма и социализма, а против сталинизма. Она выражает претензии рабочего класса, накопленные за десятилетия, против паразитической бюрократии, ее жандармского деспотизма и преступного бесхозяйственного управления планированного хозяйства, которые теперь кульминируются в планах Горбачева вернуться к

капиталистическим имущественным отношениям и уничтожить все достижения Октябрьской Революции.

Несмотря на заявления сталинистской прессы, что некоторые сибирские забастовщики возвращаются на работу, новые секторы шахтеров приступают к стачке в Каратанде, в Днепропетровске, в Ростове-на-Дону и в Воркуте.

Забастовки начались с экономических требований, которые наглядно подчеркивают ужасные условия шахтеров, которые представляют один из более высокооплачиваемых секторов советского рабочего класса. Шахтеры в кузнецком бассейне Сибири предъявили список сорока требований, включающий увеличения в снабжении сахара, мыла и мыльных средств, мяса, стуженного молока, чая, кофе и какао и теплой зимней одежды. Шахтеры также потребовали улучшения условий работы и большего внимания к окружающей среде.

Эти элементарные требования были очень быстро соединены с политическими требованиями, которые прямо угрожают контролю сталинистской бюрократии: отмена официальных привилегий, контроль местных рабочих комитетов над угольной промышленностью и принятие новой советской конституции с гарантиями демократических свобод.

2 Классовая ненависть шахтеров по отношению к паразитической сталинистской бюрократии была выражена в некоторых опубликованных интервью. Сибирский шахтер-стаечник, Александр Кусаймов сказал: "Наконец подошло время нашей борьбы против бюрократов. Бюрократы бесполезны в шахтах. Они только берут, берут, берут. Мы работаем всю жизнь, а за что? Мы каждый день слышим о реформах из Москвы, но тут в Кемерово мы их не чувствуем. Все по талонам. Даже плевой спички нельзя найти, чтоб зажечь папиросу, если есть папиросы."

Другой тридцатипятилетний шахтер, Александр Полветко, сказал: "За четыре года жизнь стала хуже и хуже. Ты весь день работаешь 500 метров под землей, наполняешь легкие гадостью, все поры тела покрыты грязью, через семь часов ты выходишь наверх и даже не находишь кусок мыла, чтобы вымыться. Как можно объяснить это чувство унижения?"

"Эти бюрократы, они сидят в креслах и получают в два и три раза больше, чем мы зарабатываем внизу, в отбое. Они идут в нормальный отпуск. Они свободны в воскресенье. Они имеют машину, хорошую нормальную жизнь. А нам суют остатки."

Член стачкома Калерий Щербаков, сравнил уступки правительства с "костью, которую бросают голодной собаке. Это униительно."

"Рабочие хотели чтобы их услышали," сказал Щербаков. "Это, наша революция снизу. Годами мы слушали всех других, которые нам говорили, что делать. Теперь они говорят, что у нас демократия, значит пришло время ее использовать. Пришло время поверить в самих себя, чтобы услышали нас."

3 Забастовка шахтеров, хотя и переданная в официальной прессе, была встречена с неприкрытой враждебностью со стороны сталинистского руководства во главе с Михаилом Горбачевым. В среду, в своей речи на заседании Верховного Совета, Горбачев предупредил шахтеров о возможных правительственных мерах против стачки. Он был особенно озабочен призывом шахтеров к железнодорожникам, чтобы те присоединились к забастовке с первого августа. "Такой поворот дел угрожает осуществлению *перестройки*," сказал он.

Одна московская газета публично сравнила волну стачек с движением Солидарности в Польше в 1980-81 годах, заметив, что польские забастовки начались с экономических требований, но перешли к политическим.

Какие бы временные уступки ни сделает режим, логика борьбы неумолимо ведет к жестокой расплате между рабочим классом и привилегированной бюрократией. Несмотря на косметические изменения горбачевской политики гласности, советская бюрократия удерживает в своих руках все органы государственной репрессии, включая КГБ и Советскую Армию.

Советский рабочий класс может пойти вперед в борьбе, начатой шахтерами, лишь путем свержения всей сталинистской бюрократии *политической революцией*, восстановив настоящую советскую демократию, диктатуру пролетариата через его собственные органы борьбы, демократически выбранные *рабочие советы*.

4 Капиталистическая пресса старается представить стачечное движение, как поддержку горбачевской политики *перестройки*. Она даже искажала требования большего местного контроля над угольной промышленностью, как будто это призывы к восстановлению частного имущества, а не требования рабочего контроля над государственной промышленностью. На самом деле, забастовки шахтеров представляют независимое выступление рабочего класса, которое нарушает все попытки хозяйственной политики Горбачева.

Сущность политики Горбачева, это реставрация капиталистического имущества в Советском Союзе за счет рабочего класса, в то-же время превращая секции бюрократии в новый капиталистический класс. Миллионы рабочих мест будут уничтожены с распространением

массовой безработицы впервые со времени Октябрьской Революции. Государственные субсидии жизненных стандартов и социальных услуг будут отменены. Государственная промышленность будет распродана частным капиталистам или иностранным компаниям, или вообще закрыта, как "неконкурентная" на мировом рынке.

Требования шахтеров, не только слишком расточительны для Горбачева, - эти требования диаметрально противоположны его всей политике. Шахтеры требуют повышения своих жизненных стандартов, не их снижения. Их цель не демонтаж планированного хозяйства, а его обновление путем чистки бюрократии, возвращения контроля самим рабочим, отмены неравенства и привилегий бюрократии.

5 Забастовка проявила тот факт, что несмотря на острые нехватки промтоваров, советские шахтеры стоят в совершенно отличном отношении к средствам производства и к общественной жизни вообще, чем их классовые братья в Соединенных Штатах и в других странах, где шахты принадлежат частному капиталу.

Советский пролетариат, первым в мире захватил власть в Октябре 1917 года. Несмотря на узурпацию власти привилегированной сталинисткой бюрократией в двадцатые годы, имущественные отношения, основанные революцией не были свергнуты; революция живет в сознании миллионов советских рабочих. Во время демонстрации в Прокопьевске, шахтеры собрались под знаменем, гласившим "Вся Власть Народным Советам."

Советские шахтеры считают само собой разумеющимся, что прибыль угольной промышленности должна идти на повышение их жизненных стандартов и социальных условий во всех рудничных районах. В частности их требования включали: употребление прибылей для постройки лучших школ, больниц и домов культуры, направление капиталовложений в сельское хозяйство, чтоб улучшить их снабжение продуктами и увеличение средств контроля загрязнений окружающей среды.

Капиталистический класс всего мира ненавидит советский рабочий класс и боится этого движения против реставрационной политики Горбачева. *Financial Times*, ведущий орган британского капитализма, заметил интернациональную преданность шахтеров коммунистическим идеалам равенства и братства, и предупредил Горбачева, что экономические требования шахтеров, прямо противостоят его политике.

"Никакие изменения не могут прийти, если шахтеры останутся в роли самой влиятельной группы коммунистического общества. Рано или поздно, мистер

Горбачев и его коллеги реформисты должны будут с ними сразиться," заявила эта газета.

6 Забастовка советских шахтеров является составной частью движения международного рабочего класса, который движется к громадным классовым боям на каждом континенте. В капиталистических странах, пролетариат восстает против гнилых лидеров из сталинистов, социал-демократии и бюрократии АФТ-КПП (США), которые защищают систему прибыли. В странах под правлением сталинистов, рабочие движутся против попыток бюрократии реставрировать капитализм.

В то-же время, когда советские шахтеры начинали свою забастовку, к ним присоединились водители автобусов и рабочие судоверфей, борющиеся с режимом Ярузельского в Польше, железнодорожники и нефтяники Великобритании, углекоты США.

Советская волна забастовок имеет громадное международное значение. Она означает возрождение великих революционных традиций российского и советского рабочего класса, уже совершившего три революции в этом веке - Революцию 1905 года, Февральскую Революцию свергшую царизм, и Октябрьскую Революцию, которая привела к свержению власти капиталистов и к установлению первого рабочего государства.

Она означает возрождение в советском рабочем классе, революционной интернациональной программы, на которой была основана большевистская революция.

Вожди Октябрьской Революции видели захват власти российским рабочим классом, как первый выстрел мировой социалистической революции, как исторический процесс, который не закончится, пока весь всемирный пролетариат не будет освобожден от рабства капитализма и империализма, и объединен во всемирную социалистическую конфедерацию.

Троцкий и Левая Оппозиция боролись за перспективу мировой социалистической революции против националистической политики Сталина, основанной на анти-марксистском лозунге "социализма в одной стране." Только таким путем можно обеспечить ресурсы, необходимые для преодоления экономической отсталости советского хозяйства, наследия царизма, и для построения социализма, который возможен лишь на мировом масштабе. Хотя громадное экономическое развитие Советского Союза за последние 60 лет доказало несомненное превосходство планированного хозяйства над анархией капитализма, советское хозяйство остается изолированным на мировом рынке господствующего капитализма.

Политика Горбачева является признанием сталинисткой бюрократией, что перспектива "социализма в одной стране" полностью провалилась. Бюрократия предлагает разрешить

кризис советского хозяйства, закорененный в его изоляции от мирового рынка, путем интеграции Советского Союза в структуру мирового капитализма, путем передачи страны в руки международных капиталистических картелей и банков.

Единственная альтернатива этой политике, это интеграция советского хозяйства в мировое, путем мировой социалистической революции. Изза этого, движение советского рабочего класса против про-капиталистической политики Горбачева, должно быть сопровождаемо новым поворотом советских рабочих на дорогу интернациональной революции.

Инстинктивный интернационализм советского рабочего класса уже показан скоростью, с которой стачка промчалась по всему Советскому Союзу. Забастовка объединила шахтеров России, Украины и Казахстана, борющихся за те же самые требования, в условиях, где ежовые рукавицы сталинской бюрократии разжигают национальную вражду в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии:

7 Волна советских забастовок оправдывает борьбу Троцкого за сохранение наследия и традиций революционного марксизма. Троцкистская перспектива политической революции против сталинизма была атакована паблоизмом, ревизионистским течением выросшем в Четвертом Интернационале в послевоенный период. В течении 36 лет, паблоисты распространяли иллюзии в прогрессивную роль сталинизма, проповедуя, что советская бюрократия сможет "само-реформироваться" и что политическая революция рабочего класса не нужна.

Интернациональный Комитет Четвертого Интернационала был сформирован в 1953 году для борьбы с паблоистским ревизионизмом и для защиты принципов троцкизма. Интернациональный Комитет защитил анализ Троцкого о бюрократии, как агенстве мирового империализма внутри первого рабочего государства и основной контр-революционной силе внутри рабочего движения.

В своей программной перспективе, принятой меньше года назад, ИКЧИ проанализировал развитие мирового экономического и политического кризиса капитализма и заявил, что один из главных факторов ведущих к возрождению революционной борьбы рабочего класса в интернациональном масштабе, это сопротивление советского китайского и восточно-европейского рабочих классов к повороту сталинистских бюрократий к рыночному хозяйству.

В мае, газета *Bulletin* (США) закончила серию статей о политическом развитии в Советском Союзе предсказанием, что за громадным подъемом рабочего класса в Китае скоро последует подобное движение советских рабочих:

"Не скрывая своего восхищения про-капиталистической политикой китайских бюрократов, Горбачев прибыл в Пекин

как раз вовремя, и стал свидетелем начала революции, вызванной той же программой, которую он копирует в СССР. Сегодня - площадь Тяньаньмен; завтра - Красная Площадь!

"Глубокие трещины внутри советской бюрократии, выраженные недавними выборами, подготавливают почву для вступления рабочего класса в активную независимую политическую жизнь. Не впервые в истории, массы приступают к революционной борьбе сквозь трещины открытые внутренними расколами правящих кругов."

Для победы советских рабочих требуется развитие сознательного революционного руководства в рабочем классе, которое будет бороться за программу политической революции, свержение бюрократии рабочим классом и восстановление советской демократии, основанной на настоящих, демократически выбранных органах рабочих.

Это означает возрождение троцкизма в стране, где пролетариат впервые взял власть под революционным марксистским руководством, построение советской секции Интернационального Комитета Четвертого Интернационала.

**Победа советским рабочим!
Долой сталинизм!**

**Да здравствует Октябрьская Революция!
Вперед к мировой революции!**

**Объединяйте интернациональный рабочий класс!
Стройте Интернациональный Комитет Четвертого
Интернационала!**

